

# Ревность волхвов

**Автор:**

Анна и Сергей Литвиновы

Ревность волхвов

Анна и Сергей Литвиновы

Когда друзья пригласили меня на рождественские каникулы в Лапландию, я взял с собой ноутбук, думая, что мои интернет-откровения станут обычными путевыми заметками. Но появилась она – Леся, и дневник начал превращаться в любовный роман. А потом... убили предводителя нашей компании Вадима Сухарова, и под подозрением оказались буквально все. Вдова Вадима Настя попросила Лесю, студентку юрфака, начать свое расследование. Девушка быстро поняла: люди, с которыми мы поехали отдыхать, не те, за кого себя выдают. И каждый мог совершить убийство... Постепенно мой блог стал чем-то вроде записок доктора Ватсона при Шерлоке Холмсе. С одной существенной разницей: я влюбился в нашего сыщика...

Анна и Сергей Литвиновы

Ревность волхвов

Предисловие

То убийство перевернуло мою жизнь.

Нет, не так.

Перевернула мою жизнь все-таки встреча с Лесей.

Лучше по порядку...

Когда я затевал писать дневник, я думал, что он вряд ли выделится из сонма других блогов, бесчисленных «живых журналов», интернет-откровений. Ну, прочитают его мои друзья. Потом, может быть, те, кто затевает, подобно мне, рождественскую автомобильную поездку в далекую северную страну – Лапландию. Но... Там, в царстве Снежной королевы, вдруг произошла встреча, благодаря которой мой дневник стал походить на любовный роман... А затем – затем начались драматические происшествия. Произошло убийство. И я даже не заметил, как мой блог, сам собой, безо всяких усилий с моей стороны, обернулся закрученным детективом, события в котором развивались все стремительней. Они захватили меня, понесли – с тем, чтобы выбросить на берег, потрясенного, раздавленного, но и – обновленного...

Итак, предлагаю вниманию почтенной публики свой интернет-дневник и предупреждаю, что события, описанные в нем, – подлинные. Я видел все это, слышал, переживал, чувствовал!

Единственное, что я позволил себе изменить при издании блога, – так это имена и фамилии действующих лиц. За исключением одного имени, уже ставшего известным, а именно молодой частной сыщицы Олеси Евдокимовой. Надеюсь, что ты, Леся, не будешь на меня в обиде!

Иван Алябьев.

Август 200... года

1 декабря 2000... года

Сегодня мне позвонил мой румяный друг Сашка и ошарашил вопросом: «Ты где собираешься встречать Новый год?» В ответ на мое робкое бляенье, что до Новогодья еще месяц и я даже пока ни о чем таком не задумывался, он обозвал меня ленивым коалой, а потом сделал предложение, от которого (по его словам)

«невозможно отказаться». Итак, не желаю ли я встречать Новый год вместе с ним и его компанией? И не где-нибудь, а в Финляндии?

- Ты представляешь, старый ты телевизор (так он выразился), коттедж в диком местечке, практически под бородой Деда Мороза! Снег – белейший! Воздух – свежайший, хоть ты его ножом режь!..

В голосе Сани зазвучали интонации рекламного агента, впаривающего тебе тайм-шер.

- Коттедж – в лесу, но все удобства: от ванной и сауны до посудомойки и кофемашины! И весь этот праздник жизни – рядом с горой. А на ней – сотни километров освещенных трасс!.. И знаешь, сколько вся эта сладость будет стоить? За две недели? За самые что ни на есть рождественско-новогодние, с 29 декабря по 12 января? Сядь, а то упадешь! Двести шестьдесят евро! На человека! Ты можешь себе это представить? В рублях – меньше десяти тысяч! Да с тебя столько в любом клубе в Москве сдерут и не поперхнутся, за одну только новогоднюю ночь!..

Я промямлил:

- А питание?

- Какое тебе особенно нужно питание? Салатик оливье? Селедка под шубой? Будет тебе салатик! И шуба будет! Девочки сделают. Или в супермаркете готовый купим. Продукты в Финляндии дешевле, чем в Москве, а спиртное мы с собой повезем.

- Значит, за питание придется еще доплачивать?

- А ты как хотел?! – взорвался Сашка. – За десять тысяч рэ – еще и с кормежкой?

Предложение, несмотря на неопределенность с харчами, выглядело соблазнительно – а может, Сашка на полную мощь включил свой талант убеждать. Но я все равно не спешил пускаться в его очередную авантюру очертя голову.

- А кто еще едет? - осторожно спросил я.

- А тебе что, меня одного мало? - усмехнулся он.

- Но ты упоминал каких-то девочек?

- Ах ты, сексуальный маньяк! - заржал он. - Будут тебе и девочки. Упругие и сочные. Сам подбирал.

- А сколько народу-то всего? Что за люди?

И тут выяснилось, что приглашает он меня чуть ли не на корпоративку. На Новый год в Лапландию собирались сотрудники Саниной компании (начиная с генерального директора), слегка разбавленные людьми со стороны вроде меня и еще парочки персон. Оказывается, в Сашкиной небольшой фирме многие ушиблены горнолыжным спортом. И они еще с лета заказали два коттеджа на новогодние каникулы. Испуганные глобальным потеплением, забронировали их не в Альпах или Высоких Татрах, а близ финской горы, чтоб снег был гарантирован. Однако ближе к зиме народ начал с проекта по разным причинам соскакивать. Вот и появилась сперва целая свободная комната на две персоны, и он, Сашка, как главный организатор проекта, быстро нашел на нее претендентов, точнее, претенденток: двух хорошеньких девочек, студенток, подружек. Без мужиков. Одиноких. А вчера отпал и запланированный Сашкой его личный сосед по комнате: того язва, видите ли, забеспокоила, и он променял здоровый отдых на борде на прозябание близ карловарских вонючих источников. Ну, мой румяный друг, естественно, вспомнил обо мне («хотя на это местечко нашлась бы куча претендентов!»). И вот он предлагает разделить с ним великолепный отдых.

- А как с визами? - осведомился я.

- У тебя загранпаспорт в порядке?

- Естественно.

- Ну, тогда виза, считай, в кармане. Финики (это он так финнов назвал), если перед ними броней на коттедж помашешь, без проблем Шенген ставят.

– А билеты?

– Какие тебе, на хрен, билеты? На машинах поедем.

– На маши-инах... – протянул я.

Мне мгновенно стал ясен Сашкин замысел (я же с самого начала почувствовал, что не только от большой дружбы кидает он старому школьному приятелю сладкую кость! Дело в том, что у него автомобиля нет. А у меня – имеется. Причем такой, что за границу вывезти не стыдно, – «Хонда Аккорд», довольно старая, правда, угловатенькая, ее мне отец (тогда временно разбогатевший) на двадцатилетие подарил. Я немедленно переспросил приятеля:

– Ты думаешь в Финляндию на моей машине ехать?

– Нет, ты меня на веревочку привяжешь, и я буду сзади бежать!

Итак, мое подозрение мгновенно подтвердилось. Мы с Сашулей не такие уж друзья, иной раз месяцами не видимся и даже не созваниваемся. Но насчет собственной выгоды голова у него работает хорошо. Значит, когда освободилось место в новогодней Лапландии, он из всех возможных дружбанов выбрал меня. Выбрал потому, что у меня имеется тачила и я смогу транспортировать его тело к месту отдыха в финских горах.

– Куда, кстати, мы едем конкретно? – спросил я.

И тут Александр мой вдруг обиделся (или сделал вид, что обиделся) и сказал с досадой (уж не знаю, подлинной или деланой):

– Что ты все ломаешься! Раз не понимаешь собственного счастья – не буду тебя уговаривать. Как говорят братья татары: не хошь – не нада, друга морда найдем.

Не знаю, как на кого, а на меня подобные приемчики из арсенала психборьбы обычно действуют – хотя я понимаю умом, что они не что иное, как дешевое разводилово. Но всегда ужасно обидно, когда ты практически сторговался, осталось уточнить детали, и тут твой контрагент вдруг встает и уходит. Каждый раз мне хочется вскочить и задержать его – хотя в душе честишь себя за

слабодушие.

Так и сейчас: я заорал в трубку:

- Да хочу я, хочу! Поеду! Что, спросить уже нельзя, куда конкретно я еду?

Мне показалось, что Сашка на другом конце линии в этот момент аж замурлыкал от удовольствия, но в отличие от меня слабины не дал и проговорил деловито:

- Значит, так, я тебе сейчас скину на «мыло» анкету для посольства и кучу ссылок: и на то место, куда мы едем, и на описание наших коттеджей. И мишленовскую карту маршрута пришлю. Ты зимнюю резину своей колымаге поставил?

- Назовешь еще раз мою машину колымагой, - отвечал я мстительно, - реально побежишь за ней по трассе E-95 на веревочке.

- Ладно-ладно, - он сделал вид, что испугался, - классный у тебя лимузин, классный... Ты только резину шипованную поставь и багажник на крышу купи, вещей-то будет много: лыжи там, борды, то-се...

- А ты знаешь, что я вообще-то на горных лыжах не катаюсь? - заметил я. - Только на доске немного.

- Аполитично рассуждаете, товарищ, - хохотнул Сашка. - Все люди доброй воли нынче должны уметь кататься на горных лыжах. Не можешь, как говорится, научим; не хочешь - заставим. А потом: у тебя ж, кажется, по обычным лыжам разряд?

- Да.

- Вот и будешь кататься на равнине. Там, куда мы едем, целая куча плоских трасс, причем освещенных. Вперед и с песней, в погоню за Бьерндаленом!

- Бьерндален - не лыжник, а биатлонист, - проворчал я, но друг мой уже не слышал, ибо повесил трубку.

10 декабря

Итак, я согласился. Новый год я встречаю в Лапландии в практически незнакомой мне компании.

Мой румяный друг Саша попросил меня помочь получить для всего коллектива финские визы. Говорят, в посольстве очередь, которую надо занимать чуть ли не с ночи! Мы решили, что он передаст мне документы всех путешествующих и я поеду в диппредставительство часа в три пополудни. А Сашка перехватит у меня эстафету с утра – он специально взял отгул.

В кафе «Шоколад с мармеладом» Саня вручил мне загранпаспорта всей компании, а также анкеты и фотографии. На встречу он пришел вместе с девушкой по имени Светлана, которая смотрела на него порой влюбленными, а порой строгими глазами (что, на мой взгляд, означало одно: мадемуазель имеет на моего друга серьезные виды). Сашка сказал, что Светлана едет с нами, причем компанию ей составит подружка по имени Леся. По хихиканьям и подколкам друга я понял, что Леся в Саниных планах как бы предназначалась мне.

Из кафе я отправился к себе домой на Маленковскую. Дома у меня наличествует вся необходимая оргтехника, и там я сделал ксерокопии анкет своих будущих, незнакомых мне пока спутников. Надо же знать, с кем отправляешься в столь далекое путешествие! Естественно, первой я просмотрел анкету пресловутой Леси. Персоналито[1 - Личные данные (англ.)] гражданки оказались мне в целом благоприятными. Итак, она звалась Олесе́й Макси́мовной Евдо́кимовой. С фото для визы на меня взирали красивые серые глаза. Плюс – строгие, правильные черты лица, высокий лоб, полные губы. Биографические данные тоже вдохновляли: ей недавно стукнуло двадцать. Образование – незаконченное высшее, учится на юрфаке МГУ. Имелись, правда, у гражданки и отдельные недостатки. Местом рождения Евдокимовой оказался город Томск, в графе «Отец» значился прочерк. Значит, она провинциалка – возможно, охотница за московской пропиской и в любом случае безотцовщина, ни на какое приданое рассчитывать не приходится... Я оборвал себя: что думать о приданом, когда мы с ней еще даже не знакомы!

Надо будет поискать упоминания о Евдокимовой в Интернете... Однако этим можно заняться завтра, а сейчас пора рвать когти в финское посольство...

11 декабря

Хорошо все-таки, что я согласился на Сашкино предложение, – хотя бы потому, что оно внесло в мою жизнь приятную перспективу и разнообразие. Я вырвался из шор ежедневной рутины. Жизнь приобрела стереоскопичность. К примеру, оказалась весьма романтичной поездка в посольство глухой ночью. Если б не наша экспедиция, вряд ли б я даже узнал, где оно находится.

Выяснилось, что диппредставительство страны Суоми расположено рядом с Садовым кольцом, на пересечении Пречистенки и Кропоткинского переулка. С ума сойти! Двадцать семь лет, всю свою жизнь, я живу в Москве и НИКОГДА здесь не был. А ведь это не Орехово-Горохово, не Фуюво-Кукуево, а самый что ни на есть центр.

Поездка потрясла меня и тем, что я понял, как легко передвигаться (на машине) по любимой Первопрестольной среди ночи. Только представьте: по бульварам я мчался на ПЯТОЙ передаче, со скоростью 80 км/час! И еще поразило – насколько столица, во всяком случае, ее центр, стала яркой. Реклама, фонари, подсветка! Когда на улицах ни души и проезжают три машины в час, создается впечатление даже избыточности такого освещения. Хочется, в стиле старого лозунга «Уходя, гасите свет», добраться до рубильника и потушить лишнее электричество, чтоб зря не нагорало. Да, Белокаменная ночью весьма впечатляет. (По-моему, за последний пассаж Лужков мне должен приплатить, как за product placement![2 - Product placement (англ.) – размещение скрытой рекламы в художественных произведениях: книгах, фильмах и т. п.]

У финского посольства, несмотря на три утра, уже дежурили люди. Добрый мент подсказывал вновь прибывшим, кто организует очередь.

Мужик в красном «Рено» внес меня в список под номером «семьдесят девять».

Я еще помню времена, когда мама брала меня с собой в очереди за подсолнечным маслом и яйцами. Посему присвоение мне номера всколыхнуло детские воспоминания (а может, генетическую память), и я ощутил приступ немотивированной, беспричинной радости. «Что дальше?» – спросил я мужика в «Рено». «Гуляй пока, – пожал плечами дядька. – В полвосьмого будет перекличка». – «И что, сегодня пройдем?» – спросил я. «Должны», – опять дернул плечами мужик.

С вечера мы с Саней договорились: когда я разузнаю ситуацию вокруг посольства, дам ему знать – и дальнейшие хлопоты он возьмет на себя. И я решил поехать к нему домой. Мой румяный друг проживал в Медведках. Я подумал: не стану будить Сашку раньше времени, брякну ему, когда буду подъезжать. Выехал на Садовое, потом переместился на Бульварное, наслаждаясь свободной ездой. Пролетел по Моховой, Лубянке, Сретенке и выскочил на проспект Мира. Путь, который в будний день занимает полтора, два, а то и три часа, я преодолел – ей-богу, не вру! – за семь минут. Я стал размышлять, как бы мне, подобно ежикам и летучим мышам, перейти на сугубо ночной образ жизни, но получалось, что для этого надо превратить в летучих мышей всех своих начальников, заказчиков, включая их бухгалтерии, а также прачечные и автосервисы. С боулингами, кинотеатрами и девушками, я думаю, проблем не будет, потому как многие из них и без того функционируют all around the clock[3 - Круглые сутки (англ.)].

...Я спихнул дальнейшие хлопоты с визами на Сашку и вернулся домой. Было пять утра. Я решил для разрядки вылезти в Сеть, посмотреть письма и комменты друзей, разместить сей пост – а заодно задал в поисковике фамилию моей будущей спутницы по финскому путешествию, той самой двадцатилетней красавицы Леси Евдокимовой. Хотя вряд ли на студентку-юристку из Томска найдутся ссылки. Мала она еще – и потому наверняка ungoogleable[4 - Ungoogable – один из новейших английских неологизмов. Означает человека, о котором нельзя найти информацию в Интернете.]

Каково же было мое удивление тем, что юная Леся уже попала в частый бредень «Яндекса» и «Гугла»! Во-первых, на сайте детективного агентства «Вымпел плюс» ее аттестовали, как «помощницу руководителя, двадцатилетнюю красавицу, будущую юристку». А еще она прославилась тем, что в июле сего года, работая в вышеозначенном агентстве, ни много ни мало, раскрыла убийство! Да и не одного человека: для начала – продюсера Брагина, а затем

двух его сыновей. Статьи о моей будущей спутнице меня впечатлили. В двадцать лет раскрыть убийство – ничего себе! Читать статьи я не стал – все-таки шел шестой час утра, – а скопировал их для последующего ознакомления и упал в кровать.

27 декабря

Мы стартовали в Финляндию двадцать седьмого декабря. Я был счастлив, что меня минует весь предновогодний столичный ажиотаж. Не надо будет поздравлять коллег по работе, партнеров, друзей, родственников – включая дальних, покупать им подарки... Никого не забыть, никого не обидеть невниманием... Какая мука!.. И как удачно получилось, что я избавил себя от этих хлопот!

Я ограничился лишь короткой эсэмэской, разосланной по списку: уезжаю, мол, на все каникулы; всех поздравляю с Новым годом, люблю и обнимаю... О, как удачно я дезертировал из рождественского сумасшествия!

Старт экспедиции наметили на пять утра. Meeting point запланировали вполне разумно. Собирались на площадке у «Макдоналдса» на Ленинградском шоссе. А вот meeting time[5 - Время встречи (англ.)] назначили, по-моему, слишком рано. Могли бы стартовать и в семь. Или хотя бы в шесть. Однако в коллективе, к которому я примкнул, судя по всему, царили армейские порядки: приказы командира не обсуждались. А старшим здесь, без сомнения, был Вадим Сухаров – директор фирмы, где работали большинство путешественников. Вот мы и приехали по его приказу в пять и вывалились из машин: хмурые, невыспавшиеся – в темноте пустой площадки. Сам командир-директор, впрочем, опоздал, явился в четверть шестого.

Прибыл он на «Лендровере». Впрочем, машина (как рассказал мне Саня) принадлежала не Вадиму, а Пете Горелову, его заместителю (и творческому директору фирмы). Сухаров, похоже, был истинным начальником: ездил на подчиненных – и в прямом, и в переносном смысле.

Он спрыгнул с высокой подножки джипа – огромный, боевой, нахмуренный. Еще в «Лендровере» находился хозяин машины Петр Горелов, а также жены обоих,

Анастасия и Евгения. Эта троица из автомобиля даже не вышла – грелась. Движок остался включенным, стекла изнутри медленно затягивало испариной, и я заметил лишь силуэты сидевших внутри.

Вадим Сухаров, одетый в спортивную куртку и штаны, являл собой классический тип современного руководителя – далеко не олигарха, но человека небедного. Высокий, мощный, с наметившимся брюшком, волевое лицо. Щелочки глаз смотрели цепко и подавляюще. Трехдневная щетина прибавляла мужественности. Рукопожатие оказалось железным, словно парень собирался переломать мне кисть.

Вообще, Сухаров походил на медведя – большой, плотный, коренастый, вроде бы неуклюжий и слегка нелепый. Однако ты сразу понимал, что, как и при встрече с настоящим хозяином тайги, с ним шутки плохи. Стоит его разозлить или обидеть – и никому мало не покажется.

Из третьей машины, участвующей в автопробеге (то был «Авенсис-Универсал» с огромным багажником на крыше), тоже вылез лишь один представитель тамошней компании. Им оказался человек невысокого роста, плотно сбитый, в потеющих очках и с бритой головой. Я узнал его благодаря анкетам, которые экспедировал в финское посольство: Иннокентий Большов (тридцать четыре года, место рождения – г. Москва, финансовый директор. Остальные трое остались в лимузине – жена финдиректора, по имени Валентина Большова, и посторонняя, «нефирменная», семейная парочка, Стелла и Родион Сыромятские, двадцати пяти и сорока трех лет соответственно. Из посольских документов я не понял: кто они, эти Сыромятские, и чьи они друзья, а Саню пока об этом не спрашивал.

К сожалению, в нашем автопробеге не участвовали те две подружки, что предназначались для нас с Саней, – Олеся Евдокимова и Светлана (однако если Света уже являлась любовницей моего кореша, то Леся пока, подозреваю, даже не ведала о моем существовании). Обе девушки должны были прилететь в Финляндию послезавтра на самолете. У них, видите ли, на завтра был назначен последний экзамен зимней сессии.

Итак, в начале шестого утра близ канадской котлетной, в темноте, нарушаемой лишь молочно-белыми фонарями и редким светом фар проезжавших по Ленинградке автомобилей, под посвист ледяного ветра Вадим Сухаров на правах босса давал нам установку:

– Старайтесь не отставать и не расползаться. По возможности идем колонной. Сначала впереди – наш «Лендровер», потом – «Авенсис», замыкает «Хонда». Дальше меняемся: я уйду на третью позицию, вторая выходит вперед и так далее. Меняться будем каждый час. Тот, кто в головной машине, должен засекал гаишников, ямы и прочие проблемы и оповещать остальных по рациям. Через каждые три часа устраиваем привал на пятнадцать минут: оправиться, выпить кофея, съесть сухой паек. Можно поменяться водителями внутри каждой машины. Держите рации, – Вадим достал из карманов своей необъятной куртки три «Моторолы» и раздал нам, – они уже настроены на одну волну, зона действия не больше пары километров, поэтому очень желательно не растягиваться. Батарейки быстро садятся, о личном лучше не триндеть. Захочется поговорить – созванивайтесь по мобильным. Все ясно?

Хоть моя свободолюбивая натура не приемлела менторский тон Вадима и на языке вертелось какое-нибудь язвительное замечание, я счел благоразумным не устраивать бунт на корабле в самом начале экспедиции, поэтому лишь кивнул, получая из рук самопровозглашенного руководителя рацию. Точно так же поступил и лысый бухгалтер Иннокентий.

– По машинам, господа! – провозгласил Вадим. Чувствовалось, что он умеет и, главное, любит командовать. – С богом!

Мы расселись и помчались.

Вадим, рулящий головным джипом, задал стремительный темп. Мы неслись со скоростью сто сорок, презирая знаки об ограничениях и населенных пунктах. Наше счастье, что гаишники в Подмоскovie оказались ленивыми и дрыхли перед рассветом. Частенько Сухаров, презрев экономию батареек, выходил в эфир: «На выезде из Солнечногорска большая яма на правой полосе. Как поняли меня? Прием». Мне показалось, что Вадиму просто нравилось – совсем по-детски! – отдавать команды в радио, словно он танковую колонну возглавляет.

Я рулил, а Саня вытянулся на разложенном почти горизонтально переднем сиденье и рассказывал мне о наших спутниках. Начал он с лысого финдиректора Иннокентия Большова.

– Вот он едет с нами, – со злорадным удовлетворением проговорил Сашка, – и не знает, что ему – крындец.

– В каком смысле «крындец»? – Я на секунду оторвался от стремительно несущейся мне под колеса полужаснеженной дороги.

– А в таком, что скоро Вадим его выгонит с волчьим билетом. А может, и еще чего похуже сотворит.

– За что?

– Большов – ворюга. Бабки у фирмы скоммуниздил. А это значит, – полулежащий Александр назидательно поднял палец, – что наказал деньгой Вадима. И Петра Горелова – тоже. И в меньшей степени ихних жен. (Они тоже долю в нашей прибыли имеют.) И, отчасти, даже меня... Наша фирма, – пояснил он, – по форме собственности – акционерное общество закрытого типа. Основной акционер Вадим, потом Петя, потом ихние женушки, затем остальные сотрудники.

– Зачем же Большова, раз он вор, с собой отдыхать взяли? – удивился я.

– Я ж тебе говорил: мы в эту поездку еще летом собирались. Тогда к Кену вопросов не было.

– Могли бы с ним и в Москве разобраться.

– Ха! Тогда два места в коттеджах пустыми останутся. А Сухаров денежки считать умеет... И, прошу заметить, Иннокентий пока не в курсе, что Вадим про его художества знает. И никто ни о чем не знает, только я да Сухаров...

«Значит, ты Иннокентия заложил», – чуть не выпалил я, но вовремя прикусил язычок. А мой румяный друг продолжал разглагольствовать:

– Может, Вадим для Большова какую-нибудь особенную кару готовит? Оч-чень в духе Сухарова – неожиданная расправа. Когда жертва ничего не подозревает, расслабилась и не ждет разборки. Не исключу, если Вадим нашего финдиректора на съеденье полярным волкам бросит или в вечную мерзлоту закопает.

...Через три часа пути, уже далеко за Тверью, мы устроили первый привал. Съехали на заснеженную второстепенную дорогу, на багажнике моего «аккорда» разложили провизию, осветили импровизированный стол фарами двух других машин. Зимняя ночь нехотя и не спеша сменялась рассветом. Наконец-то я увидел всех своих партнеров по поездке (за исключением, напомним, Светланы и Олеси, отправляющихся в Финляндию самолетом). Из «Лендровера», помимо уже виденного мной Вадима – директора фирмы и самопровозглашенного командира пробега, – вышел его партнер Петя. (Петр Горелов – узнал я его по фотографии в финской анкете, – тридцати семи лет, женат, образование высшее, окончил Архитектурный институт.)

Горелов являл собой полную противоположность своему другу и старшему партнеру Сухарову. Хотя был он столь же высок, зато обладал худым, даже астеническим сложением. Тонкие и довольно красивые черты лица почти все время озаряла ироническая улыбка – словно он вот-вот произнесет что-то смешное. Длинные волосы сзади были забраны в косичку. Я обратил внимание на его тонкие, нервные пальцы, красные от мороза. И по дружелюбному рукопожатию, и по улыбочивому взгляду чувствовалось, что он в отличие от Вадима не любит, да и не умеет быть руководителем и охотно пребывает в тени своего партнера. Словом, даже внешне Петр был типичным мозговым центром или, как стало модно говорить сегодня, «креативщиком», или «криэйтером».

Петю сопровождала жена – почти такая же высокая, как и он, и худая. Звали ее Женей (Евгения Горелова, вспомнул я анкету, в девичестве Подольская, тридцати шести лет, образование высшее, окончила Второй мед, временно неработающая, детей нет). Я сразу обратил внимание на ее необычную красоту. Тонкие, выразительные черты лица, огромные черные глазищи. Она походила на юную Монику Витти из старых итальянских фильмов. Или на молодого Бориса Пастернака – родись он женщиной. Однако губы ее при этом были такой пухлости и яркости, что превосходили, пожалуй, саму Анжелину Джоли. Ее красота меня оглушила, и я сразу понял, что готов на все, лишь бы... И плевать мне на то, что она почти на десять лет старше! Но увы – рядом маячил этот ее муж...

Женя оказалась – что странно для женщины – совсем не словоохотливой. За все время завтрака я услышал из ее прекрасных уст, пожалуй, не более двух фраз.

В головном «Лендровере» следовала еще одна женщина по имени Настя – супруга директора фирмы. (Я невзначай, благодаря визиту в посольство,

оказался в курсе самой сокровенной тайны женщин, путешествовавших с нами: я знал их возраст!) Анастасии Сухаровой было тридцать восемь, однако выглядела она максимум на тридцатник, и я спросил себя, делала ли она уже подтяжку или ограничилась пока ботоксом, массажами и пилингом. Настя, в противоположность Жене, оказалась болтлива. И, под стать своему мужу, имела пару-тройку лишних килограммов. Впрочем, дополнительный вес даже шел ей – все равно она была живой, спортивной, румяной.

Да, двум директорам – генеральному и творческому – повезло с супругами. Хороши были обе – и пышногубая худая Женя, и плотная, розовощекая Настя. Мужья, кажется, ценили их – я понял это по тем коротким взглядам, которые они время от времени бросали на супружниц. Петя трогательно ухаживал за Женей: то кофе наливал, то бутерброд протягивал. Она царственно принимала его знаки внимания. В другой парочке ухаживающей стороной, напротив, была женская – в лице Насти, а Вадим благосклонно принимал ее заботу. Вдобавок я заметил, что не только между супругами, но и внутри данной четверки царили дружба и взаимопонимание. Видимо, наша поездка (надо спросить Саню, прав ли я) была для них, четверых, далеко не первым совместным путешествием. Временами они расточали улыбки, намеки и шутки, понятные только им.

...Мы поели, выпили кофе из термосов и пустились в дальнейший путь. Теперь за руль «Аккорда» сел мой румяный друг Саня, а я отвалился на разложенное переднее пассажирское сиденье и сладко заснул...

...Следующий привал устроили уже в преддверии Питера, когда зимний день, не успев толком развиднеться, начал гаснуть. Обед опять разложили на багажнике. Ехал бы я один, перекусил бы где-нибудь на заправке, тем паче выглядели они ухоженно, но Сухаров безапелляционно заявил, что подобное харчевание небезопасно для жизни и здоровья. У нас с Саней из продуктов остались лишь минералка, крепкий кофе и прочие энергетика – однако остальные участники автопробега, более хозяйственные, припасли столько пищи, что могли бы прокормить не только пару холостяков, но и несколько автобусов в придачу. Правда, жены руководителей, Женя и Настя, видать, не слишком уважали максимум, что «путь к сердцу мужчины лежит через желудок», потому взяли в дорогу тривиальный набор из супермаркета: мясную нарезку, сыр, корнишоны. Зато другая участница экспедиции, Стелла, приготовила провизию с душой и фантазией. Она разложила домашние пирожки с капустой и грибами, жареную курочку, котлетки. Неудивительно, что путники стали потихоньку подтягиваться

к ее припасам.

Стелла не имела отношения к фирме Сухарова. (Стелла Сыромятская, вспомнил я, двадцать пять лет, образование среднее специальное, работает секретарем в компании «Даблю – Игрек-Икс». А ее муж Сыромятский числился руководителем данной фирмы.)

Стелла – невысокого роста, не очень фигуристая, но с кокетливо сверкающими глазами – вдруг оказалась в центре внимания. Compliments ее котлеткам и пирожкам перемежались похвалами в адрес самой поварахи. Девушке явно льстило мужское внимание. Она прямо-таки купалась в восхищении сильного пола. Ее успех тем не менее совершенно не волновал мужа – импозантного, подтянутого господина с пышной седой шевелюрой. (Родион Сыромятский, сорок три года, образование высшее, окончил МГИМО, кандидат экономических наук.) Он деликатно и индифферентно попивал чаек. Даже среди леса, в спортивной куртке, он выглядел словно на дипломатическом приеме.

Меж тем его супруга стала слишком уж явно лхнуть к Вадиму. И по руке того погладила, и, выбрав момент, грудочкой к нему прижалась... Я, конечно, понимаю: он директор фирмы и вроде как руководитель нашей экспедиции, но, на мой взгляд, ничем подобных знаков внимания не заслужил. Однако интерес Стеллы к Сухарову, казалось, совершенно не взволновал ее супруга. Он деликатно отвернулся и зевнул. Кстати, и Вадимова жена Настя совершенно не среагировала на столь откровенный Стеллин кадреж. Либо она умело делала вид, что поведение мужа ей глубоко фиолетово, либо для нее стал привычным неприкрытый флирт Сухарова с молоденькими девушками.

– Благодарю тебя, Стелла, – звучным голосом проговорил в заключение ужина Вадим и облапил девушку медвежьим объятием. Та только кокетливо всхихикнула, а оба супруга, и Настя Сухарова, и Родион Сыромятский, даже бровью не повели.

– По машинам, господа! – взбодренный ужином и красивой девушкой, воскликнул Вадим. – До финской границы осталось каких-то сто километров!

28 декабря

Ни вчера, ни сегодня днем ничего особо примечательного не произошло, а вот нынче вечером...

Впрочем, обо всем по порядку. Вчера около девяти вечера мы пересекли российско-финскую границу, а еще через пару часов заночевали в СПА – отеле в городе Порву. Сегодня мы продвинулись еще на шестьсот километров – в глубь Финляндии, выдерживая курс на север...

А свою вторую ночь в стране Суоми провели в небольшом отельчике в городе Оулу. Гостиница стояла прямо на берегу замерзшего Ботнического залива. Постоялый двор изрядно обогатился на нашей импровизированной группе, потому как мы оккупировали целых пять номеров. Сегодняшний перегон по ровным и размеченным финским дорогам оказался недлинен и нетруден. Однако Сашка (с ним я делил номер) все равно улегся в постель, попросил его не кантовать и мгновенно вырубился.

Мне же спать совершенно не хотелось. Напротив, я испытывал душевный подъем и жажду деятельности, которые всегда посещали меня в первые дни за границей. Я вышел в коридор гостиницы. Он был совершенно пуст, ни единого звука не доносилось из номеров справа и слева. Такое впечатление, что в отеле, кроме нас, не оказалось ни единого постояльца – а может, комнаты снабжены совершенной звукоизоляцией.

В конце коридора лестница вела в подвал. Туда указывала стрелка с интернациональной надписью: SAUNA. Я спустился согласно указателю. Мужская раздевалка оказалась открыта. Я заглянул в нее. В бане был единственный посетитель: лежали его аккуратно сложенные вещички. Несмотря на то что джинсы, свитер и исподнее отличались западным качеством, мне показалось, что хозяин одежды – наш человек. Черт его знает, почему я так решил. Может, оттого, что вещи лежали слишком уж аккуратно. За этой опрятностью угадывалась долгая школа муштры в исполнении отечественных детсадов, пионерлагерей и армии. Я пересек раздевалку и заглянул в парилку. Там никого не было, хотя по высокому градусу чувствовалось, что парной недавно пользовались. Тогда я решил проверить, есть ли кто в джакузи – ванна здесь была общей для обоих полов.

Там, среди бурлящих пузырьков, я увидел мужчину и женщину. Оба они оказались в плавках и купальниках, сидели друг от друга на приличном

расстоянии, однако лица их покраснелись и лучились улыбочками. И тот, и другой заметили меня, и, оба, не сговариваясь, приглашающе замахали мне руками. Я был далеко не уверен, что им на деле хотелось, чтобы я нарушил их тет-а-тет. Я сделал отрицательный жест и закрыл дверь в бассейн. Интересные складываются комбинации, подумал я, и всего на второй день путешествия. Потому что мужчиной в джакузи оказался Вадим Сухаров, а делила с ним бассейн совсем не его жена, но та особа, с которой Вадим познакомился лишь позавчера, – кулинарша Стелла.

Я вышел из сауны и поднялся на первый этаж.

В лобби никого не оказалось – даже портье. За окнами медленно сыпал белый-белый снег. Подчиняясь указателю, я прошел в бар. Здесь, на удивление, все-таки присутствовали три человека. Один из них – бармен. Двое других сидели за дальним столиком в углу. Я взгляделся, и выяснилось, что одним из посетителей был супруг Стеллы, эффектный мужчина Родион Сыромятский. Интересно, догадывался ли он, с кем в данную минуту проводила время его жена?

Родион пил виски со льдом (мало ему было льда и снега за окном!). Его компаньона я раньше никогда не видел. То был мэн, одежда и манеры которого выдавали иностранца – а точнее, поскольку иностранцами в данный момент как раз являлись мы, не русского человека. Одетый в толстый свитер, он попивал водку маленькими глотками. Я поздоровался с присутствующими (они ответили мне сухими кивками) и попросил у бармена глинтвейна – в гостинице было прохладно.

Уселся я за столик неподалеку от места, что занимали Сыромятский с иностранцем. Интересно было услышать, о чем они спикают. Официант поставил передо мной стакан глинтвейна. Мужчины молчали. Я отхлебнул обжигающей жидкости, а разговор, прерванный моим появлением, наконец возобновился. Однако я не понял ни слова, потому что толковать они стали по-фински. Иностранец говорил быстро и уверенно, наш Родион – порой запинаясь и подбирая слова, однако спутник, кажется, понимал его. Я же, увы, ничего не разбирал!

Чувствуя себя одураченным, я быстро допил глинтвейн и вышел из бара.

Я вдруг почувствовал себя персонажем детективного фильма. В тот момент мне показалось, что вокруг нашей поездки происходит что-то странное. Будто бы что-то назревает и вот-вот должно случиться...

29 декабря

...Я проснулся в гостинице в пригороде Оулу с чувством чего-то безвозвратно упущенного. Потянулся к своим наручным «Тиссо». Так и есть: уже десять. Десять утра! А в номере темно, хоть глаз коли. Плотные шторы – защита от ослепительных белых ночей, но сейчас-то царит полярная ночь! И все равно мы, идиоты, закрыли портьеры, и Сашка храпит, что твоя бензопила. Я вскочил, проорал: «Рота, подъем!!!», включил ночник и бросился в сторону ванной.

– Ванька, ты чего орешь? – проговорил расслабленным со сна голосом мой компаньон.

– Как?! – воскликнул я. – Не ты ли говорил, что твоя Светлана с моей Лесей прилетают сегодня?

– И?..

– Сегодня, в три по местному, в аэропорт города Киттиля?

– А ведь и верно, – почесываясь под одеялом, отвечал Саня.

– И мы их должны встретить! А от нас до этих Кителей – четыреста верст, и все лесом!

– Да, надо вставать и ехать, – глубокомысленно произнес мой спутник, не трогаясь с места, только потягиваясь.

– Давай же, давай, подъем – сорок пять секунд! – крикнул я и вбежал в ванную. Если в туалетную комнату первым запустить Саню, он будет там плескаться и фыркать целый час.

В итоге мой спутник вовсе отказался от водных процедур, завтрак все равно уже закончился, и через пятнадцать минут мы во дворе гостиницы раскочегаривали мотор «Хонды».

– А вот и эсэмэска, – промолвил нахохленный Саня. – От Светки. «Мы в самолете, вылетаем». Придется нам и вправду нестись, – вздохнул он.

Я вырулил на дорогу.

– Задача для пятого класса. Кто быстрее – самолет «Ту-154» пролетит две тысячи километров из Москвы – или мы проедем четыреста километров?

– Конечно, ты быстрее любого самолета, – льстиво отвечал мой компаньон.

– С чего такая уверенность? – фыркнул я.

– Потому что при другом исходе мне отпилят некие жизненно важные органы. И тебе заодно, кстати, тоже.

Пока наши спутники еще ворочались в постелях (во всяком случае, их машины, мирно припорошиваемые снегом, отдыхали на гостиничной стоянке), я уже выезжал на трассу Е-75, ведущую на север, за Полярный круг, в Лапландию, в сторону Рованиеми...

...Многие женщины (а также мужчины других возрастов) порой (и даже очень часто!) не понимают поступков молодых парней (в возрасте, скажем, от пятнадцати до тридцати лет). Им неведомы даже мотивы данных поступков. Для них скажу, как на духу: они (наши поступки и мотивы) объясняются одним: жаждой секса. Мальчишкам, начиная от половой зрелости и заканчивая... ну, я не знаю, каким возрастом... я-то его пока не достиг... половое влечение полирует мозги примерно с той же мощностью, что поезд-тяжеловес – рельсы. И анекдот, который мне рассказывал еще мой отец («О чем ты думаешь, рядовой Иванов, глядя на эту груды кирпичей? – О бабе. – Почему??! – А я всегда о бабе думаю»), очень жизненный. Иное дело, что отдельные самцы способны свою неукротимую половую энергию преобразовывать, в соответствии с учением дедушки Фрейда, в нечто позитивное: из той же груды кирпичей дом построить или хотя бы забор соорудить. Или накропать пару-другую симфоний, как Моцарт, или поэму «Гаврилиада» настроичить, как Александр наш великий Сергеевич.

Можно также ни во что конструктивное свое либидо не реорганизовывать, а применять его по прямому назначению, как сопутешественник мой Сашка. Использовать в чистом виде. То есть с занудным постоянством атаковать всякую возникающую от него в радиусе пяти метров особу женского пола. Мне бог не дал такого нечеловеческого шарма (а главное, упорства), как Сашке, но и не вразумил в то же время, в какой отрасли человеческого гения я могу сублимировать свой постоянный любовный пыл. Когда я черчу схемы и рассчитываю режимы, потом отстаиваю их перед гипами[б - Гип - главный инженер проекта.] и начальниками отделов, а потом и перед заказчиками – этот процесс, конечно, слегка утихомиривает (в основной скукой, интеллектуальным напряжением и тяжестью) мое постоянно действующее влечение, но не сводит его на нет вовсе. И только графомания – как я называю про себя свои дневники, бесконечные записи в «живом журнале», – порой заставляет забыть обо всем.

Может, я упустил свое призвание, спрашиваю я себя? Однако нет ведь такой профессии: «ведущий интернет-дневника»! Если бы я родился веков на семь-восемь ранее, я бы, пожалуй, прибился к славному и благородному племени летописцев. «Не лепо ли не боше братия какими-то там словесами песнь творити...» Но сейчас таких летописцев – тьмы, и тьмы, и тьмы. Полки, дивизии, армии ведут в Интернете блоги, и шанс, что именно твоя писанина станет интересна хоть кому-то (за исключением горстки друзей), обратно пропорциональна той армаде Несторов XXI века, каждодневно бряцающих по клавиатуре.

...Обо всем этом я думал, пока «Хонда», со мной и Сашкой на борту, взрывая клубы снежной пыли, неслась с абсолютно недозволенной здесь скоростью сто сорок.

Езда на авто, продолжал я свои думки, на грани риска (а порой и за гранью), прыганье со скал в ледяное море, десять коктейлей за вечер (а потом отстаивание своей жизненной позиции против парней, ее почему-то не разделяющей) – тоже суть способы утихомирить бушующие гормоны.

...Слегка развиднелось. Полярная ночь нехотя уступала место полярному утру. Ни единой машины не встретилось нам ни в попутном, ни во встречном направлении. Только снег и лес, лес и снег. Постоянно возникали знаки, ограничивающие скорость восьмьюдесятью километрами в час. Следом за каждым знаком висели полицейские видеокамеры. Однако простодушные жители страны Суоми не размещали их скрытно, а сообщали о каждой большим

желтым щитом. Но сейчас большинство запрещающих знаков оказались плотно залеплены выпавшим за ночь снегом. Какая там цифра изображена в виде ограничения скорости – восемьдесят, а может, двести километров, – разобрать почти невозможно. «Всегда можно отбрехаться», – мелькнула у меня мысль – хотя, наверное, финские полицейские совсем не наши гаишники, от которых можно отбрехиваться. Одна радость: глазки большинства камер тоже оказались забиты снегом. Вряд ли они сумеют запечатлеть мой стремительный полет.

Меня подстегивала мысль о том, что, может, я еду на встречу с собственной судьбой – в лице Леси. Никто (помимо Сашки и собственного воображения) мне подобных намеков не делал, но, согласитесь, вдохновляющая ситуация: мы встречаем в заграничном аэропорту двух подружек. Они будут жить вместе, в одной комнате. Где-то по соседству разместимся мы с Санькой. Притом Саня крепко дружит с одной из подруг, Светланой. Значит, вторая просто обязана присмотреться ко мне.

Я, собственно, на ее благосклонность весьма рассчитывал. Если ничего у нас не получится, то во время лапландских каникул мне придется принимать экстраординарные меры. Прочие члены нашей экспедиции – замужем. Настя – очень мила, Женя – очень красива, но вряд ли та или другая столь испорчены, что станут крутить романы в непосредственной близости от собственных мужей. Валентину, совершенно блеклую супружницу бритого финдиректора, можно как объект ухода полностью скидывать со счетов. Выдающаяся кулинарка Стелла тоже замужем. Правда, она сделала множество авансов, в самые разные стороны (в том числе и в мою), причем невзирая на своего авантажного супруга. Однако, во-первых, ея муж все ж таки маячил на горизонте, а во-вторых, девушку явно пленил руководитель экспедиции Вадим. Да-а... Если не Леся, к которой я мчался навстречу, то на нашей компании в смысле флирта можно ставить крест. Останется искать счастья среди темпераментных финских девчат.

Словом, я ждал первого свидания с Лесей, словно заочно сосватанный родственниками молодой человек из приличной семьи. Разница заключалась в том, что наш (будущий) роман с Лесей существовал лишь в моем воображении. Которое, разумеется, было подстегнуто пресловутым переизбытком гормонов в моей крови.

За два часа мы преодолели неслабое расстояние – почти двести пятьдесят километров. Я понимаю финнов, давших миру Хаккинена, Райкинена и прочих

великих гонщиков: что еще делать на пустынных, лесистых, заснеженных просторах, как не носиться! По ходу дела мы получили эсэмэску от Вадима: основная часть экспедиции извещала, что выдвигается из Оулу. Руководитель указал нам заселяться в коттеджи немедленно после того, как мы встретим самолет с девушками.

– О-о-о, Вадик, – саркастически протянул Саня, – что б мы делали без твоих ценных указаний!

Мы ждали, довольно нервически, другую эсэмэску – от девушек, приземлившихся в аэропорту Киттиля.

В упоении дорогой я пролетел еще полста километров. Краешком мы миновали город Рованиemi. Природа становилась все глуше и суровой. (На качестве автодороги это, впрочем, не сказывалось.) Изредка вдоль трассы возникали одинокие домики. Я обратил внимание, что ни на одном окне нет занавесок. А зачем? На десятки верст в округе – ни единой пары посторонних глаз.

Перелески сменялись широкими белыми полями – то были замерзшие озера. Стали попадаться встречные авто, в основном с российскими – московскими, питерскими, мурманскими – номерами. И тут зазвонил Сашкин мобильник. В трубке слышался радостно-взволнованный голос его Светки.

Девушки вообще – натуры широкие. Они обычно считают, что деньги – ничто в сравнении с их эмоциональным состоянием. То, что разговор, даже короткий, в роуминге в десять раз дороже, чем самая длинная эсэмэска, они в расчет не берут. Что такое экономия – в сравнении с обуревающими их чувствами!

– Санька, мы прилетели! – слышал я голос Светланы из мобильника, как ни прижимал его мой спутник к щеке. – Здесь так клево, все белое-белое, как в сказке!.. – И тут же, практически без перехода, восхищение сменилось негодованием: – А нас тут в самолете держат, представляешь! Выходить не дают, ужас, жара!.. – Недовольство поменялось на кокетство: – А ты уже в аэропорту, я надеюсь? Приготовил мне цветочки? – Саня руками сделал мне знак, давай, мол, прибавь газу.

– Хрен тебе, – проворчал я под нос и втопил акселератор.

Меж тем в спектре девичьих эмоций появилось любопытство:

– А что у тебя там рычит? – И снова пробилось неудовольствие: – Только не говори мне, что ты еще едешь!

– Ну в крайнем случае подождете нас в аэропорту, попьете кофе, – успокоительно откликнулся Саня.

– А вы что, еще далеко?! – эмоции снова хлынули через край.

– Километров семь, – безмятежно откликнулся мой пассажир.

До аэропорта оставалось еще километров семьдесят, но Саня счел за благо соврать.

– Ну, смотри, если опоздаешь!.. – в спектре эмоций Светланы нарисовались угрожающие нотки.

...Аэропорт Киттиля представлял собой в буквальном смысле ангар – металлический полуцилиндр серебристого цвета, затерянный среди снегов и вековых елей. Однако его окрестности все равно смотрелись по-европейски: может, благодаря умытым такси, чинно припаркованным у входа, или рядом стоящим неподалеку автобусам. Несмотря на то, что прохождение последних семидесяти километров отняло у меня минут сорок, внутри ангара мы оказались ровно в тот момент, когда из таможенной зоны явились девушки с двумя впечатляющими сумками и плотно набитым сноубордическим чехлом.

– Привет финским мордам! – воскликнула Светлана и бросилась к Сане на шею, а потом, отстранившись и не доставляя себе труда познакомить меня и Лесю, возбужденно заговорила: – Представляешь, нас целый час погранцы местные мурыжили! Говорят, кто-то из наших наркотики вез! Целую сумку! Они после этого все наши вещи стали шмонать. А мужика того задержали, представляешь?!

Во время Светиноного монолога мы обменялись несколькими взглядами с Олесей. Увы, в ее взорах не блеснуло никакой обнадеживающей меня искорки. Девушка

оказалась хороша собой – лучше, чем на шенгенском фото. Лицо выглядело милым, спокойным, умным. Недлинные волосы выдавали натуральную блондинку. Короткая дубленка не скрывала стройную фигуру. Эластичные штаны обтягивали воодушевляющие ножки. Но вот ее взгляд, устремленный на меня... По самому первому женскому взгляду можно судить, насколько неприступна эта крепость. Глаза Леси ничего мне не сулили. Да, взгляд ее был мил, а на губах играла улыбка. Однако так смотрят на коллегу по работе; на партнера по переговорам; на случайного спутника в автобусе. Даже на экзаменатора или гаишника девушки обычно глядят с большей игривостью. В глазах Леси не было ни малейшего желания мне понравиться. И еще в них не читалось ни грамма желания, чтобы между нами что-то завязалось. Да, орешек окажется крепким. Возможно, начни я ухаживать за самой Снежной королевой, я добьюсь большего успеха. Что ж, мне нравятся всякие (как любят выражаться американцы) челленджи[7 - Вызовы судьбы (англ.)]. Чем яростней сопротивление – тем слаще победа.

Из-за Сашкиного воркования мне пришлось самому представляться Лесе. Я перехватил ее чехол с лыжами и сноубордом. Тут, опомнившись, вступила Светлана:

– Это Лесья, моя замечательная флэт-мэйт[8 - Соседка по квартире (англ.)], в будущем генеральный прокурор или даже мисс Марпл.

Представление прозвучало двусмысленно. То ли Лесе карьеру гениального сыщика сулят, то ли удел старой девы. Девушка открыла рот, чтобы возразить подруге, но тут в общий разговор ввалился Саня:

– Как ваш экзамен?

Светка ответила за двоих:

– Леська, естественно, на пять баллов, а у меня, как всегда, четверка с натяжкой. – Девушка прыснула. – Нет, правда, здорово! – она снова не смогла сдержать эмоций. – Еще вчера мы по Москве мотались, там сыро, грязно, машины, копать, бр-ррр! А здесь как все бело! Мы вышли из самолета, надышаться не могли! Прямо как родниковую воду этот воздух глотаешь! Как мороженое! Вот здорово, что мы здесь!..

Леся только улыбалась. Мы подошли к моей машине.

– Черт! – вдруг воскликнул Саня и хлопнул себя по лбу.

– Что случилось? – озабоченно спросила Светлана.

– Я совсем забыл! Нам еще вчера надо было позвонить в фирму, которая коттеджи бронировала. Подтвердить, что мы приезжаем, спросить, как заселяться...

– Позвони сейчас, – пожал я плечами.

Мой румяный друг поставил Светины вещи на чистейший снег и отошел в сторонку. Через минуту я понял, почему: по-английски он говорил плоховато, с трудом подбирая слова и по несколько раз переспрашивая. Наконец он вернулся к нам, весь сияющий.

– Ну и страна, – помотал он башкой. – Мне сказали, что наши коттеджи открыты, ждут нас. А ключи от домиков – на кухонных столах.

Мы положили вещи девушек в багажник на крышу.

– Давай я поведу до коттеджа, – небрежно бросил мне Саня.

– Ради бога.

Он как бы присваивал себе мое достижение – четыреста верст, пройденные за четыре часа. Но не спорить же с ним, не трубить же о своем геройстве! Мой спутник раскинулся в водительском кресле, небрежно завел мотор, сдал назад – и тут же позорно заглох. «Дурацкое в этой „Хонде“ сцепление», – только и оставалось ему процедить. На правах извозчика он усадил на переднее сиденье свою Светку; мы с Лесей поместились сзади. Леся была по отношению ко мне ровна, доброжелательна и спокойна, и я подумал, что у меня, пожалуй, имеются две возможности. Первая: выпрыгивая из штанов, по-мужски добиваться ее. И, возможно, к концу финских каникул чего-то достичь. А возможно, и нет... И вариант номер два: сделать вид, что мы с ней не кто иные, как друзья, типа брата с сестренкой, а потом, тихой сапой... Второй подход показался мне

предпочтительней.

- Спасибо, что вы нас встретили, - тихо, но дружелюбно молвила Леся.

- Велкам, - отозвался я. Я решил не живописать свои водительские подвиги. Не хватало с ходу показаться хвастуном.

- А остальные уже приехали?

- Тащатся! - пренебрежительно откликнулся с водительского сиденья Саня. - Может, часа через три приползут. Это мы тут гнали под сто пятьдесят, не терпелось вас встретить.

Беззастенчивость, с коей мой друг присваивал себе мои заслуги, порой потрясала.

- Поэтому мы - первопроходцы, - продолжал витийствовать Сашка. - Жаль только, что будем жить в разных особняках. У них в каждом домике всего по одной спальне с отдельными кроватями.

По, мягко говоря, сдержанной реакции девушек я понял, что они не сожалеют, а, скорее, рады оказаться от нас подальше.

Коттеджи располагались в глухом лесу, под сенью огромных елей. Там оказался целый городок - этакая заполярная Рублевка. Но, как положено в Заполярье, где растут березы-карлики и низкорослые сосны, внешне домики отнюдь не поражали воображение. Одноэтажные срубы, каждый площадью не более ста «квадратов». Никаких заборов. Кое-какие коттеджи оказались заселены: в окнах светились гирлянды, у подъездных дорожек наряжены елки. Однако большинство пустовало.

Мы подъехали к первому из предназначенных для нашей компании, выгрузили там девушек с вещами и нетерпеливо отправились в другой. По автодороге расстояние между ними составило девятьсот метров (я засек). Далековато. Будем надеяться, что найдется более короткая тропинка - напрямки.

Мы остановились у «своего» дома. Перетаскали в него чемоданы, лыжи, сноуборды. И еще – постельное белье, почему-то по условиям контракта его потребовалось везти с собой. Внутри коттедж мне сразу понравился. Тепло. Имеется камин. В огромной гостиной, соединенной с кухней, оказалось столько аппаратуры, сколько не во всякой московской квартире найдется: посудомоечная машина и кофеварка, микроволновка и плита с духовкой, жидкокристаллический телевизор, ди-ви-ди видеоплеер. И даже тостер имелся. А батареи топят, и из кранов бесперебойно течет горячая и холодная вода. Вот тебе и Заполярье. Вот тебе и глухой лес. Я с грустью подумал о российских избушках с дровяной печью и удобствами во дворе. А ведь таких у нас не только за Полярным кругом – в пятидесяти км от столиц навалом...

Вот только спальни огорчили – в основном размерами: каждая не больше пяти метров. Не развернешься. Но Саня – путешественник более бывалый, чем я, заверил, что на всех горных курортах так: народ, типа, упахивается на горе за день и приходит домой только спать. Мы занесли свои вещи в единственную из спален с отдельными кроватями.

Саня отправил Вадиму лапидарную эсэмэску: «Встретили. Заселились» – и немедленно получил ответ: «Будем часа через два. Займитесь торжественным ужином». Мой друг скрипнул зубами: «Как он надоел, с его постоянными указивками!..»

...Сегодня вечером, когда все прибыли и расселились, мы собрались в нашем коттедже. Впервые встретились вместе: двенадцать человек за одним столом. Устроили вечеринку по случаю прибытия (как русские могут обойтись без вечеринки!). Выпивка, остатки походной еды, сумбурный разговор... То всеобщий смех, то неловкое молчание... Все знакомились друг с другом, устанавливали связи, заново выстраивали иерархию... Тогда же я невольно подслушал в высшей степени интересный (и даже загадочный) разговор, который постараюсь привести дословно.

Дело было так.

Я вышел из коттеджа покурить. Морозец зацепил меня за щеки, чистейший воздух ворвался в легкие. Я поскорей засмолил сигарету – от избытка кислорода можно было с ума сойти. От нечего делать решил обойти вокруг

нашего домика. Как всегда бывает в первые дни за границей, мне все было интересно. Яркий фонарь перед крыльцом заставлял снег сиять и искриться, а моя фигура отбрасывала длинную черную тень.

Едва я скрылся за углом, как у входа послышались женские голоса. Затем щелкнула зажигалка. Раз, другой. Потом раздался голос. Я сразу узнал его. Он принадлежал Насте Сухаровой, супруге Вадима, «первой леди» нашего путешествия.

- Ты не боишься? - спросила Настя.

- Чего? - отвечал другой женский голос. Я опознал характерные хрипловатые обертона. Второй собеседницей оказалась полногубая красотка Женя, супруга креативщика Пети Горелова.

- Не прикидывайся, - довольно жестко проговорила Настя. - Все того же.

- Но я же рядом с ним, - возразила собеседница.

Я замер. Я оказался в неловкой ситуации. Невольно мне пришлось подслушивать чужой и, кажется, весьма интимный разговор. У меня имелась альтернатива. Я мог обнаружить себя, выйти из укрытия или кашлянуть. А мог и дальше выznавать чужие тайны. Пока я колебался, что делать, болтовня женщин продолжалась. Мне показалось, что обсуждаемую тему они затрагивают не впервой, и для Жени она является болезненной, или, по меньшей мере, неприятной.

- Твое, Женечка, присутствие совершенно не гарантирует, что все обойдется, - продолжала настаивать Сухарова. - К тому же ты опять повезла его на Север.

- Ну и что мне теперь прикажешь делать? - весьма резко возразила Горелова. - Взять его за ручку, отвезти на самолет и вернуться в Москву?

Их разговор зашел слишком далеко. Вряд ли теперь я мог выскочить со словами: «А вот и я. Не помешал?» Если я вдруг появлюсь, будет очень неловко. Оставалось одно: затаиться и молчать, пока беседа не закончится и женщины не уйдут.

В голосе Насти Сухаровой послышались извиняющиеся и примирительные нотки.

– Я просто хотела сказать, чтобы ты была осторожна, – промолвила она. – И внимательно следила за своим мужем.

Женя отвечала с сарказмом и некоторой горечью:

– Ну, ты и сама можешь последить за моим мужем.

Сухарова не приняла вызова (который, как мне показалось, послышался в последней реплике товарки). В ее голосе мне почудилось неподдельное волнение, даже страсть:

– Ты же знаешь... Ты сама мне говорила... Только тот, кто рядом, может уловить предвестники... и принять меры...

– Да, это правда... – глухо отвечала Женя. – Но будем надеяться, что все обойдется...

– Хотелось бы верить, – отвечала Настя и постучала по дереву: то ли перилам крыльца, то ли стене коттеджа. Потом она спросила: – Когда последний раз с ним это случалось?

– Тогда, в Канаде, – через силу отвечала супруга Пети.

– Но ведь прошло уже три года? – настаивала Настя.

– Да, и все же... Рецидив возможен... Особенно когда он находится в новой, непривычной для него обстановке...

– Может, вам вообще никуда не стоит с ним ездить?

– Ну да, – усмехнулась Горелова. – И просидеть всю жизнь в квартире в Москве... Ладно, будем надеяться, что все будет хорошо.

– Конечно, будем надеяться, – поддержала подругу Настя, однако особой уверенности в ее словах я не услышал.

Послышался звук бросаемых в пепельницу сигарет. Затем скрипнула входная дверь. Стих звук шагов, замолкли голоса.

Я выждал пару минут и продолжил обход коттеджа. На занавешенных окнах гостиной мелькали тени. Я думал о только что невольном подслушанном разговоре. Без сомнения, речь в нем шла о Женином супруге – креативном директоре фирмы Петре Горелове.

О чем они говорили? Что с ним происходит? Какие-то припадки?

Алкоголизм? Наркомания? Или другая болезнь? Что-то психическое? Эпилепсия, паранойя, шизофрения, лунатизм? Может, игромания?.. Наверное, болезнь действительно серьезная, коль скоро посторонний – да еще жена директора фирмы! – в курсе... Однако со стороны Петр выглядит (как выражаются врачи) весьма сохранным и социально адаптированным. Не будь разговора, я бы никогда не подумал, что с ним что-то не в порядке. Он занимает высокий пост и достаточно зарабатывает, содержит неработающую супругу, гоняет на «Лендкрузере», ездит в Финляндию...

Я обошел дом по периметру и вернулся в гостиную. Не хотелось, чтобы Настя и Женя вдруг заподозрили, что я подслушал их разговор. Поэтому я решил не тихушничать, а, напротив, привлечь к себе внимание всей честной компании. И потому выступил с громким (и абсолютно лживым) заявлением:

– Представляете, здесь по лесу бродят лоси. Или олени.

Все немедленно повернулись ко мне.

– Ты их видел? – живо спросила Леся.

– Нет, но я видел их следы.

– То были кошачьи, – усмехнулся мой друг Саша.

– Ага, конечно! – воскликнул я с деланой обидой. – А то я следов кошки от оленьих не отличу.

– Администрация курорта расставляет по лесу чучела, – усмехнулся Петя Горелов. – Для пущего привлечения туристов...

Исподволь я внимательно оглядел его. Он решительно не производил болезненного или хотя бы странного впечатления. Ясные, умные, ироничные глаза. Быстрая реакция, живая речь... Правда, заметил я, Горелов не пил ничего алкогольного. На столе перед ним стоял бокал с яблочным соком.

...Вечеринка закончилась довольно рано. Уставшие после долгой дороги, все улеглись спать. В крохотных спальнках нашего коттеджа разместились шесть человек. Одну заняли мы с Сашкой; вторую – директор Вадим Сухаров с женой Настей; и, наконец, третью – бухгалтер Иннокентий Большов со своей невыразительной супругой Валентиной.

Я уже писал, что за границей, особенно в первые дни, сплю мало – слишком много обрушивается впечатлений, и жаль терять время на сон. Поэтому ночью, когда все угомонилось, я уселся с ноутбуком на диван в гостиной, рядом с догорающим камином. Я хотел записать в свой дневник впечатления последних трех дней. Каковым же было мое удивление, когда я обнаружил, что в коттедже имеется вай-фай[9 - Wi-Fi – беспроводное подключение к Интернету.]! Я совершенно свободно мог выйти в Сеть. Нет, ну до чего дошел прогресс! Даже за Полярным кругом, в глухом лесу, у меня появилась возможность стать частичкой Мировой паутины. Глобализация – глобальней некуда! Что ж, можно только радоваться. И не ждать возвращения в Москву, а разместить свои заметки в «живом журнале» прямо сейчас – что называется, с пылу с жару.

Что я охотно и делаю.

30 декабря

Утром Вадим Сухаров на правах директора и самопровозглашенного руководителя экспедиции попросил всех собраться на завтрак в нашем коттедже. Хотя всем немедленно хотелось осмотреть курорт и опробовать новые, незнакомые трассы, все-таки подступал Новый год, и надо было подготовиться к празднику.

Народ из второго коттеджа пришел к нам в десять, когда за окном только начало светать: все, как один, в спортивных костюмах и с горными лыжами или сноубордами. В гостиной снова, как вчера вечером, стало шумно и тесно. Пожертвовать собой ради хозяйственных хлопот вызвалась кулинарка Стелла: «Я поеду в супермаркет, только мне нужен мужчина. На роль водителя и насильника, то есть носильщика». Она зазывно посмотрела на Вадима – однако тот сделал вид, что не заметил ее выразительного взгляда. Тогда помочь девушке вызвался финдиректор Иннокентий. (Ох, какой же змеиный взор, полный ревности и ненависти, метнула тут в Стеллу супруга финансиста Валентина!)

Ну, а мы вдесятером отправились на гору. Ближайший подъемник оказался совсем близко от нашего домика. Особо ленивые могли добраться до него и на машине – туда вела заснеженная дорога. Но мы шли по ней пешком. Пару раз пересекали лыжню. Равнинные лыжники уже пыхтели на трассе. Лыжня оказалась идеально обустроена, уж я-то знаю в этом толк. Широкое расчищенное пространство посередине – по нему можно обгонять или бежать коньковым ходом. По бокам – две нарезанные лыжни для классического стиля. Там, где трасса пересекала автодорогу, она пряталась в туннель или вздымалась на мостик. Кроме того, она еще была, блин, освещена!

Совершенно понятно теперь, почему финны и разные прочие норвежцы стали легко обыгрывать нас в снежных гонках. Подобную лыжню в России я видывал только на крупных соревнованиях, пару раз в жизни.

А вскоре перед нами предстала уходящая вверх крутая и длинная гора. По ее верхотуре скользили горнолыжники и сноубордисты величиной с мух. У подножия имелось современное сооружение в виде раздутой летающей тарелки с кафе и рестораном, магазином и прокатом инвентаря. Рядом с «тарелкой» шел вверх подъемник – как гордо было написано в путеводителе, единственный в Финляндии гондольного типа: на гору взбирались обтекаемые трамвайчики с автоматическими дверями.

Поначалу решили ски-пассы не покупать (опять то была идея Вадима), а разок подняться наверх: обозреть окрестности, протестить[10 - Тестить (современный слэнг) – с ударением на первом слоге, то же, что «тестировать», «испытывать», «проверять», «исследовать», «узнавать новое».] трассы. В гондолу забились одни только наши – десять человек, за вычетом занятых хозяйством Стеллы с бухгалтером. Я исподволь оглядел их. Мощный Вадим возвышался над всеми и создавал словно бы центр притяжения, вокруг которого группировалась компания: и его румяная, плотная Настя, и худой креативный Петя Горелов с пухлогубой красавицей Женей, и мой Сашка с льнущей к нему Светланой. Чуть в стороне держалась невзрачная финансовая жена Валентина, импозантный и загадочный мужчина Родион (позавчера удививший меня познаниями в финском языке) и, наконец, «моя» Олеся. Все одеты в красивые и модные горнолыжные костюмы, в шлемах и масках. И только одна Леся выглядела беспонтово: обычная куртка, тренировочные штаны, ни маски, ни шлема, ни «балаклавы»[11 - «Балаклава» – род шарфа, сшитого в виде трубы из непродуваемой ткани; прикрывает от ветра, в случае необходимости, не только горло, но и подбородок, нос, щеки.]. Да и свой сноуборд она оставила внизу, приобрела на гондолу ту-вэй-тикет[12 - Билет в оба конца: означает, что девушка собирается спуститься вниз на той же гондоле, а не на лыжах или сноуборде.]: значит, совсем не уверена в своих силах.

Гондола плавно ползла вверх, а внизу под нею проплывали заснеженные ели, столбы освещения, несущиеся горнолыжники. Вдали я увидел, среди снегов и леса, автостраду и невеликий городок.

Петр Горелов привлек всеобщее внимание: громко сообщил тоном экскурсовода, что высота горы, на которую мы поднимаемся, составляет всего шестьсот метров («Сопка какая-то», – пробурчал Вадим). Зато здесь имеется, продолжил Горелов, восемнадцать освещенных трасс, из них три «синих», восемь «красных» и семь «черных». К началу одной из «черных», мы, собственно, и поднимаемся – причем данная трасса знаменита тем, что здесь проводился один из этапов Кубка мира по горным лыжам. Взгляд Пети был устремлен на одну особу, и я готов был поклясться, что адресовался он ей и желал произвести впечатление именно на нее. Как ни странно, данной персоной оказалась не Настя, не Леся, не Валентина, не даже его собственная супруга Женя. Нет, Горелов апеллировал к своему старшему товарищу и партнеру Вадиму. У меня даже мелькнула шальная мысль: а уж нет ли между ними определенных противоестественных отношений. Бр-р-р!

– Петя, как всегда, желает свою образованность показать, – вдруг негромко, но насмешливо бросил Вадим. Петя, бесспорно, расслышал реплику. Мне удалось уловить, как на мгновение изменилось его лицо. На нем вспыхнули ничем не прикрытые ненависть, зависть и злоба. Впрочем, они продержались на физиономии Горелова лишь долю секунды. Я был уверен, что больше никто из присутствующих, включая Вадима, этой мины не приметил.

Гондола остановилась. Мы вышли на утоптаный снег. Воздух на вершине горы стал еще чище, чем на равнине, – хотя, казалось бы, чище уже некуда. С чем бы сравнить его? С кубометрами белизны? Ломтями чистого наслаждения? Воздух был достоин того, чтобы оборотистые люди наладили его реализацию под слоганом: «No one plant 100 kms around!»[13 - «Ни одного промышленного предприятия в радиусе 100 километров!»]

На вершине было холодно. Резкий ветер обжигал нос и щеки, выдувал слезы из глаз. Все сооружения здесь: мачта освещения, недействующий кресельный подъемник, беседка, заброшенный туалет – сплошь, сверху донизу, оказались покрыты диковинными белыми кристаллами.

Вид с горы открывался потрясающий: тундра, замерзшие озера, белые мелкие сопки; елки, где-то стоящие гурьбой, а где-то одинокие. В долине под нами клубился туман, и оттого пейзаж казался совершенно не земным, а каким-то юпитерианским. Сему впечатлению способствовал разлитый по небу странный, божественный синий свет – где-то далеко, на горизонте, он сгущался в непроходимый чернильно-черный, словно там находилось царство вечной ночи. Но тут с противоположной стороны горы, из-за слоистых туч, вдруг выглянуло красноватое, набухшее солнце...

Это было не то же самое светило, что изматывает своим постоянным присутствием на южных экзотических курортах или в Крыму, не то повседневное, что порою, с досадливой миной на лице, появляется в Москве. Нет, здесь вставало солнце заполярное – редкий гость, долгожданный, стыдливый, словно улыбка на устах человека, безнадежно больного депрессией. При минутном восходе красного робкого светила, как при явлении театральной звезды, мне захотелось аплодировать. Чувствительный Петя Горелов, похоже, ощутил то же и захолопал первым. Я подхватил его аплодисменты, затем к нам присоединились и Светлана, и Леся, и обе руководящих жены – Настя с Женей. И только Саня с Вадимом остались неподвижны; первый (чтобы удержаться?) даже засунул руки в карманы, а Сухаров, типа по-отцовски, усмехнулся нашему

всеобщему сентиментализму.

Солнце скоро кануло, снова скрылось в тумане, а потом и за горизонтом, и после приступа восторга все, не сговариваясь, зашевелились: стали цеплять к креплениям лыжи или борды, надевать маски, натягивать на носы и щеки «балаклавы». Одна только Леся не стала готовиться к спуску – и еще друг мой Саня. Он подошел ко мне и, приобняв за плечо, увлек в сторонку. Оглянувшись, прошептал мне едва ли не в самое ухо:

– У меня и у Светланы к тебе просьбочка имеется. Антр ну, дуа сит, в смысле строго между нами. Ты сюда ведь равнинные лыжи взял, так? Не мог бы ты Лесе составить компанию? А то она горное катание не жалуется, потому что, – зашептал он еще тише, – я так подозреваю, что умеет плохо. А уроки брать у инструктора ей дорого. Слушай, ты уж поболтайся с ней, а? Покатайся на равнинных лыжах, будь другом! Но только вид не делай, что ты, типа, ради нее на жертву идешь. А то она девочка умная и гордая, сразу фишку проинтуичит, и тебя пошлет, и сама расстроится. Че-нить придумай убедительное.

– Вам со Светкой это будет стоить литр «Альмеки», – сделал я морду кирпичом.

– Даже не сомневайся, – поспешно заверил меня Санька. Сердце у меня радостно скакнуло. Мой приятель даже подумать не мог, насколько в кассу оказалось его предложение. Кататься с девушкой по горе, в компании сотен пижонов – это одно. А рассекать с нею по пустынному романтичному лесу – совсем другое. В условиях неторопливого тет-а-тета в финских лесах у меня гораздо больше шансов.

Осталось убедить Лесю в том, что она должна делать то, что, в принципе, и хочет делать. (С женщинами это не всегда, между прочим, просто.)

Пока я шел к стоящей в сторонке девушке, вниз ринулся (по черной трассе, никаких компромиссов!) Вадим – разумеется, и на горе он хотел утвердить свое первенство. Он покатил вниз солидно, уверенно и равномерно – словно работал или выполнял заданную программу.

Я подошел к Лесе и проговорил:

– Ну, как тебе эта гора?

– А тебе? – ответила она вопросом на вопрос.

– Мне не очень.

Она улыбнулась:

– Как в анекдоте. «Что-то не нравится мне наш декан. – Не нравится – не ешь».

Сегодня девушка оказалась приветливее и словоохотливее, чем вчера. Может, оттого, что никто из компании, кроме меня, не проявил к ней интереса.

Резко оттолкнулся и живо бросился вниз Петя Горелов. Он летел страстно, немного неаккуратно, на грани падения, но красиво, вздымая на поворотах вихри снега.

– А я хотел бы протестить здешнюю равнинную лыжню, – продолжил я свой разговор с девушкой. – Составишь мне компанию?

С диким криком: «Эх, япона мать, была не была!» – вниз ринулся Саня.

А Сухаров с Гореловым уже подъезжали к подножию горы. Мы видели их, словно черные точки на снегу. Приближаясь к «летающей тарелке», Петя обогнал скучно скользящего Вадима. Он заложил последний, совсем уж залихватский вираж, однако не удержался на ногах и рухнул, вздымая потоки снежной пыли. Вадим с торжествующей аккуратностью доехал до финиша.

Оставшиеся наверху женщины переглянулись, Настя промолвила: «Ну, девочки?» – и они втроем – Настя, Женя, Светлана – мягко оттолкнулись палками. Но отправились в сторону, противоположную той, куда унесли мужчины, покатали по пологой, неспешной синей трассе. Секунду подумав, следом отправилась и невзрачнейшая жена бухгалтера. А по черной трассе бросился вниз импозантный Родион – в костюме от Шанель.

Мы с Лесей остались на верхотуре одни.

Девушка продолжила с милой улыбкой:

– Я готова с тобой покататься по равнине, если только ты будешь прокладывать маршрут. У меня с детства топографический кретинизм.

– Могу и лыжню тебе прокладывать, – подхватил я.

– Ну, с лыжней, я думаю, проблем не будет. Финны нам уже все нарезали.

– Встретимся внизу?

– О'кей.

Леся улыбнулась и отправилась к гондоле. Воодушевленный – все-таки мы договорились о свидании, – я нацепил сноуборд и бросился вниз.

Черная трасса пока тяжеловата для меня – особенно для первого катания. Однако я не мог позволить себе позорного падения на глазах у компании – и тем более у Леси, которая наверняка следила за мной в окошко гондолы. Я ехал не быстро и совсем не рискованно, но все равно в конце чуть не навернулся, однако на ногах, слава богу, устоял.

Когда я встретил внизу у гондолы Лесю, предложил:

– Может, по чашке чая? А то я слегка задрог там, наверху. В честь нашего союза я угощаю.

– О'кей, – серьезно кивнула Леся, – только я бы предпочла глинтвейн. И за свой счет.

В баре с огромными окнами, выходящими на гору, оказалось полно народу. В тяжелых ботинках, модных комбинезонах, поодиночке и компаниями, отдыхающие пили пиво и текилу, посматривали друг на друга и за окно на катающихся. Казалось, что именно в этом заключалась главная цель их пребывания на горном курорте: сидеть, выпивать и круто выглядеть. Мы с Лесей с трудом отыскали далеко не лучшее место – на диванчике, с которого не было видно горы. Зато высокая спинка сиденья напрочь ограждала нас от прочих посетителей.

Отстояв очередь у стойки, я взял два глинтвейна. Едва я плюхнулся на диван и мы с Лесей чокнулись горячими стаканами, как в бар вплыл Вадим Сухаров. Лицо у него было недовольным. Возможно, ему не понравилось, что большая часть компании, включая его собственную жену и других женщин, не последовала за ним по черной трассе, а куда-то исчезла. «Большой босс» потолкался у стойки и заказал пиво. Нас с Лесей он в упор не видел.

Тут как раз освободился столик, сиденье которого упиралось в наше «спиной к спине». Вадим немедленно плюхнулся за него. Нас он по-прежнему не засек – благодаря высоким спинкам. Однако слышать наш разговор он мог, поэтому я нагнулся к Лесе и прошептал одними губами: «Вадим бесится, что ему стало нечем командовать». И, хотя девушка знакома была с Сухаровым даже меньше, чем я, она понимающе кивнула.

Вдруг из-за столика, где сидел Вадим, пророкотал бас:

– Что это ты тут, сученыш, делаешь?!

Голос определенно принадлежал Сухарову, и в нем прозвучала смесь удивления, ненависти и презрения.

Мы с Лесей невольно оглянулись. Вадим приподнялся из-за столика – однако, поскольку находился к нам спиной, по-прежнему не видел нас. Его негодующая реплика адресовалась небольшому носатому человечку, проходившему мимо. Он выделялся среди присутствующих своим не горнолыжным, а обычным одеянием с легким намеком на спортивность: пуховик, джинсы, высокие замшевые ботинки на шнуровке.

Носатый обернулся к Вадиму. Мы с Лесей, чтоб не быть замеченными, плюхнулись обратно на свой диванчик.

– Что я здесь делаю? – саркастически промолвил носатый. – То же, что и ты, Вадик, то же, что и ты. Отдыхаю от трудов праведных.

– Знаю я твои труды, фуй моржовый! – пробасил наш руководитель. – Странно, что ты до сих пор на нарах не отдыхаешь.

Собеседник хихикнул:

- А вот никак! Никак им, Вадичек, не удастся. Ни российским ментам, ни европейским. Живу, честно тебе доложу, как сыр в масле.

- Еще бы, с таким-то бизнесом! - презрительно проговорил Вадим.

- Да-а, - продолжил свое собеседник, - домичек у меня трехэтажный в южных краях, яхта опять же, о «Ламборгини» вообще умолчу...

- Зачем сюда пожаловал? - мрачно спросил москвич.

- Я ж тебе говорю: отдыхать, мой друг, отдыхать, - хихикнул носатый. - Соскучился я, видишь ли, в своих теплых странах по белому снегу да по елкам обмороженным...

- Учти, Панайот, - грозно проговорил Вадим, - увижу, что ты опять вокруг моей жены вьешься, - шею тебе сверну.

- Ой, и Настенька здесь? Приветик ей большой передавай.

- Я не шучу!

- Да успокойся ты, Вадик, - снисходительно молвил собеседник, - теперь я так мелко не плаваю...

- А, в глубину пошел? Гляди, Панайот, как бы тебя акулы не сожрали.

Человечек хихикнул:

- Себя имеешь в виду, Вадичек?

- Да хотя бы и себя. Вырву тебе жабры собственными руками.

Носатый хихикнул:

– Ой, Вадик, ручки-то у тебя короткие, – и отошел.

На нас с Лесей он не обратил ровным счетом никакого внимания. Вадим тоже – мы оставались скрыты от него высокой спинкой. Я слышал его шумное дыхание, слышал, как он в несколько глотков опрокидывает в себя стакан с пивом. Затем молодой человек встал и, по-прежнему не замечая нас, зашагал к выходу из бара, тяжело волоча ноги в горнолыжных башмаках.

И тут произошло неожиданное. Моя спутница вдруг вскочила со своего места и последовала за Сухаровым.

– Ты куда?! – невольно вырвалось у меня.

В ответ Леся лишь приложила палец к губам и исчезла за дверью бара. Ее глинтвейн остался остывать на столе. Я пожал плечами и принялся цедить свою порцию горячего напитка.

...Вернулась девушка минут через десять, довольная и слегка загадочная. Залпом допила свою порцию «глювайна», хихикнула и проговорила:

– Не обижайся, Ванечка. Ты же знаешь, женщины любопытны, как кошки.

Я в упор посмотрел на нее:

– А ты любопытна не только как кошка, но и как частный детектив.

– А, так, значит, тебе Саня рассказал? Или Светка протрепалась?

Я важно ответствовал:

– У меня свои источники.

– Да, я частный детектив, – с определенным вызовом молвила она. – А что, не нравится?

– Нравится, – пожал я плечами.

- Мне тоже.

- А зачем ты за Вадимом следила? Навыки тренируешь?

- Нет. Просто стало интересно.

- И что ты выследила? Он догнал Панайота и забил его лыжной палкой?

- Нет. Но все же кое-что интересненькое заметила.

Она приняла загадочный вид. Девушке явно хотелось, чтобы я ее начал расспрашивать, поугаваривал рассказать. Вот ребенок! Ну, ладно, мне не жалко. Я переспросил:

- Ну, и что ты?

- Представляешь, я заметила, с кем этот носатый Панайот встретился...

- И с кем же? С Бен Ладеном?

Она хихикнула над моей немудрящей шуткой.

- Нет. С тем седовласым плейбоем, что с нами в коттедже живет. С мужем Стеллы.

- Родионом?

- Ну да. Они, этот Панайот и Родион, встретились как друзья и что-то сразу стали обсуждать, весьма оживленно. Жаль, я слов не расслышала.

- Да, интересно... - протянул я. И сразу вспомнил, как позавчера в баре гостиницы в Оулу Родион разговаривал по-фински с каким-то типом. Сначала финн, потом этот Панайот... Да, Родион не очень похож на мирного туриста, прибывшего в страну Суоми отдохнуть. Явно у него имеются тут какие-то деловые интересы.

– И еще! – воскликнула Леся. – То, что Родион встретился с этим самым Панайотом, заметила не только я, но и наш Вадим. И ему это явно не понравилось. Он нахмурился и сперва даже, как мне показалось, хотел к ним подойти – возможно, потребовать у них, типа, объяснений. Но потом передумал и в другую сторону направился.

– А тебя они, все трое, не заметили?

– Нет, – хихикнула Леся. – Я умею сливаться с толпой. – И добавила важно: – Это профессиональное.

...В итоге на лыжную прогулку мы с Лесей вышли, когда заполярный день уже стал переходить в сумерки.

Трассы оказались великолепными, лыжи катили, а девушка оказалась сильной спортсменкой. Порой даже я с трудом успевал за ее размашистым бегом. Когда мы отмахали километров десять по освещенной пустынной лыжне, ведущей вдоль подножия горы, остановились на привал. У Леси в рюкзаке нашлись термос с чаем и печенье. Мы отдышались, подкрепились, а потом моя спутница вдруг сказала:

– Знаешь, я думаю... Я вообще-то интуицией не обделена... К тому же с криминальным элементом, увы, встречалась... И, кажется мне... – Она в задумчивости покусала губу: – Что-то здесь назревает... Что-то должно случиться...

– В каком смысле? – не понял я.

– Что-то нехорошее... Возможно, даже – какое-то преступление...

...Назад мы пошли медленным, ровным шагом. Трасса была освещена, и для русского глаза это выглядело столь же странно, как если бы кто-то вдруг расставил фонари на лесной дороге для Снегурки или Морозко. Вдобавок все было устроено по правилам: расчищено, разглажено, оснащено предупреждающими знаками. Мы с девушкой заняли две параллельные лыжни, скользили рядом не торопясь и разговаривали. Иногда нас обгоняли,

просвистывая коньковым ходом, словно бешеные лоси, финские сухопарые и длинноногие спортсмены обоих полов.

Леся обладала редким для женщины качеством – она умела слушать. В продолжение темы, затронутой ею – о том, что что-то странное грядет, – я рассказал о том, чему сам стал свидетелем. Во-первых, о растратчике финдиректоре Иннокентии, с которым, по уверению Саньки (впрочем, мой румяный друг ведь и совет – недорого возьмет), здесь, в Лапландии, Вадим собирался разобраться. Во-вторых, о странных встречах в пустой гостинице городе Оулу: немногословном Родионе, общающемся в баре на финском. И даже о тет-а-тет Вадима со Стеллой в ночном джакузи. Спутница не прерывала моего повествования, вид у нее был сосредоточенным. И только о вчерашнем случайно подслушанном разговоре между Женей и Настей я не рассказал, посчитав их беседу чересчур интимной для передачи.

Леся задумчиво пробормотала:

– А тут еще какой-то Панайот в баре... – И вдруг она вскрикнула: – Ну-ка, кто быстрее до той елки! Раз, два, три!..

31 декабря 200... года

Сегодня, в преддверии Нового года, произошла история, подтвердившая – да с лихвой! – наши с Лесей подозрения о том, что здесь происходит что-то неладное и, возможно, нас ожидают трагические события. Мы не были непосредственными свидетелями преступления, однако по рассказам и уликам смогли составить ясное представление о случившемся...

Но обо всем по порядку. Предновогодний день, опять же по указанию Вадима Сухарова, решили построить следующим образом: с утра – спорт на свежем воздухе, днем – баня (для желающих) и легкий перекус. Затем подготовка новогоднего стола и, наконец, ближе к полуночи – совместная новогодняя трапеза в нашем коттедже.

Мы с Лесей решили с утра отправиться по красной, то есть самой сложной лыжне за пятнадцать километров, на оленью ферму. Узнав об этом, Саня двусмысленно заржал и покровительственно похлопал меня по плечу. Плевать мне было на его намеки. Пока что между мной и студенткой-юристкой не возникло ровным счетом ничего романтического. Отношения складывались абсолютно дружеские. Меня это, видит бог, устраивало. Спутником и товарищем Леся выходила хорошим, а мои любовные потуги могли бы только все усложнить и испортить. Интуитивно я чувствовал, что торопить события не стоит. Может, когда сложится дружба, из нее прорастет нечто большее. А может, и не прорастет.

До фермы с олешками мы, в итоге, так и не дошли. С самого старта лыжня (по-фински ухоженная) все время тянулась в гору. Мне быстро надоело работать на этих тягунах. Кроме того, Вадим (а кто же еще!) объявил общий сбор – для помывки в бане и последующего перекуса – в шестнадцать ноль-ноль местного времени. Мы в дэд-лайн явно не укладывались, поэтому где-то на полдороге решили повернуть. Я почти все время шел чуть сзади от Леси. Мне нравилось наблюдать за ее упругим, размашистым шагом, за тем, как двигаются ее ноги и попа.

Зато назад мы катились под гору, словно по рельсам, со свистом рассекая морозный воздух, вдыхая его полной грудью. В итоге вернулись даже раньше намеченного времени. Мы думали, что коттеджи пусты, а вся компания – на горе. Однако нас встретила странная суета. Казалось, все участники экспедиции собрались в нашем коттедже. Проносились туда-сюда. Хлопали двери. Не успели мы снять лыжи и очистить их от снега, как к нам подбежала Светка и, округляя глаза, рассказала драматичнейшую историю.

Итак, утром горнолыжники разделились. Кто-то поехал на черную трассу, кто-то – на красную... И вот где-то в середине одной из красных горных трасс решили отдохнуть, перекурить двое: наш предводитель Вадим и жена его друга Женя Горелова. Трасса там проходила в довольно узком месте. С обеих сторон ее ограничивали сугробы, елки и кое-где валяющиеся валуны – получался своего рода туннель под открытым небом. Стены из снега, валунов и деревьев вздымались вверх на четыре-пять метров. Вадим и Женя, болтая, подкатили к одной из снежных стен. Мимо них изредка проносились горнолыжники. И вдруг... Один из громадных валунов, весом не менее полутонны, нависавший над головами наших туристов, сорвался со своего места и рухнул вниз, прямо на Вадима и Женю! Вадим заметил опасность, что есть сил оттолкнул спутницу, а

сам бросился в противоположную сторону. Он спас и ее, и себя от неминуемой гибели – однако совсем уберечься не сумел. Валун ударил ему в ногу, а другой своей стороной проехался по лодыжке девушки.

Оба остались в сознании. Немедленно по мобильнику вызвали «Скорую помощь». Уже через пару минут на мотосанях явились санитары. Они зафиксировали поврежденные конечности обоих, усадили пострадавших на сани, быстро спустили к подножию и тут же на «Скорой помощи» переправили в больницу. Там их осмотрел врач, сделали рентген. Итог оказался невесел. Женя еще счастливо отделалась: сильнейшее растяжение, а может, даже разрыв связок и сотрясение мозга. Как минимум на неделю ей предписан полный покой и постельный режим. А вот Вадиму повезло меньше. Его лодыжка оказалась сломана. Мужика сделали обезболивающее и наложили гипс. Ясно, что горнолыжный сезон для него оказался закончен – не успев начаться.

Сухаров лежал в своей спальне. Мы с Лесей зашли к нему выразить свое сочувствие. У одра сидела супруга пострадавшего – Настя. Странно, но настроение Вадима оказалось скорее приподнятым. Сказывалось действие обезболивающего укола? А может, он подсознательно радовался, что увечье освободит его от добровольно взятой на себя обязанности командовать всеми и держать все под контролем – и теперь он сможет наконец расслабиться?

Мы с Лесей сказали Вадиму подходящие случаю слова. А потом моя спутница вдруг спросила: «Как вы думаете, Вадим, камень упал на вас сам – или, может, ему кто-то помог упасть? Может, имело место покушение?» Тот нахмурился и задумался.

– Какое тут, в Финляндии, может быть покушение?! – воскликнула его жена.

– Подожди, женщина! – оборвал ее Вадим и задумчиво ответил Лесе: – Я даже не думал в эту сторону... А ведь верно... Кто-нибудь мог камень столкнуть...

– Ерунда! – безапелляционно отмахнулась Настя. – Кому это нужно?

Больной, откинувшись на подушках, со значением молвил, обращаясь к жене:

– Я ведь говорил тебе, кто это мог быть...

- Кто? – немедленно уцепилась Леся, и я подумал, что она, наверное, неплохая частная сыщица и впоследствии станет хорошим следователем. Вадим махнул рукой:

- Это наши внутренние дела, не хочу об этом распространяться.

- Но, может, вы что-то видели? Слышали? Вас что-то насторожило?

Сухаров задумался, а потом покачал головой.

- Да нет, ничего.

Студентка не стала настаивать. Пожелав Вадиму скорейшего выздоровления, мы удалились.

То ли происшествие само по себе внесло в компанию дезорганизованность, то ли сказались отсутствие мощного руководящего начала в лице Вадима, но в коллективе начались разброд и шатания. Каждый сумбурно занимался своими делами. Хлопала дверь холодильника, на ходу перекусывали. Кто-то растапливал баню. Леся отправилась в свой коттедж переодеться.

Я тоже переоделся и вышел на кухню в надежде чего-нибудь погрызть. За окном совершенно стемнело. Потихоньку начиналась метель. Носились снежинки. В отдалении, за лесом, светилась молочным светом освещенная гора. Я налил себе кофе и сделал пару бутербродов с корейкой. Свежий воздух и физические упражнения пробуждали прямо-таки волчий аппетит.

Наступление Нового года совершенно не чувствовалось. По телевизору не веселились дежурные юмористы, не раздавались нервные звонки от знакомых с поздравлениями, никто в сумасшедшем темпе не кромсал картошку и колбасу для салатика оливье.

Скоро вернулась из своего коттеджа Леся. Она по-прежнему была одета по-спортивному, только сменила промокшие от снега брюки и зачем-то нацепила сноубордические ботинки.

- Можно тебя на два слова? – обратилась она ко мне.

Я накинул куртку, и мы вышли на улицу.

- Мне нужна твоя помощь, - с подкупающей простотой заявила Леся.

Не буду говорить за весь сильный пол, но подобные просьбы, исходящие от девушек, всегда вдохновляют меня на действия.

- Я готов, - безо всяких ужимок и предварительных условий отвечивал я.

- Начинается снег, - молвила студентка, - и я должна осмотреть место преступления. Пока все не занесло.

- Преступления?! - воскликнул я. - С чего ты решила, что случилось преступление?

- Валуны просто так на головы живым людям не падают, - лапидарно ответила девушка.

- Но зачем тебе это надо?! - удивился я.

- Знаешь, - с неожиданной прямоотой проговорила Леся, - мне как-то не по себе от того, что рядом с нами - потенциальный убийца.

- По-моему, ты все усложняешь и преувеличиваешь, - я откровенно высказал свое мнение.

Леся не стала вступать в дискуссию, только пожала плечами.

- Если хочешь помочь, бери свой борд, и пошли, - сказала она.

- Куда?!

Девушка посмотрела на меня, как на умственно отсталого.

- На гору. Я узнала точно, где это случилось. Карта у меня с собой. Поможешь мне ориентироваться.

Никому не сказавши о своей экспедиции, мы взяли сноуборды и направились к горе. Метель разыгрывалась все сильнее. Вниз неслись целые хлопья. Девушка озабоченно посматривала в черное небо.

На горе царило обычное оживление. Про наступающий Новый год будто забыли. Двери в «летающей тарелке» не закрывались, народ входил-выходил. Мы купили по трехчасовому скипасу (девушка решительно отвергла мою попытку заплатить за нее) и поднялись на гондоле на гору. Отсюда к месту драмы надо было спускаться на бордах. Леся довольно неуклюже нацепила доску и неуверенно промолвила: «Поедем, что ли?» Я готов был поклясться, что девушка становится на сноуборд во второй, много – третий раз в своей жизни. Мы очень-очень медленно заскользили вниз.

– Если будешь терять равновесие, лучше сразу падай на бок, – предупредил я ее.

Леся двигалась крайне осторожно. Мимо нас время от времени проносились, нарезая зигзаги, лихие бордеры и лыжники.

Минут через семь мы достигли искомого места. Упавший валун лежал сбоку трассы, уже изрядно припорошенный снегом.

– Хорошо бы найти здесь паспорт, который обронил злоумышленник, – улыбнулся я.

– Бывают и такие случаи, – серьезно кивнула девушка.

Место, откуда свалился валун, зияло над нами, словно выбитый зуб в щербатом рту. До него было метра три крутой, засыпанной снегом стены.

Леся решительно отстегнула свою доску.

– Ты меня подсадишь, – скомандовала она.

Я не понимал, зачем взбираться туда, откуда сверзился валун. «Господи, к чему этот сыск? – подумал я. – Ведь никто Лесе за ее усердие не заплатит. Чисто детское любопытство. Или она на меня впечатление производит?»

Я тоже отцепил свой борд. Подошел к Лесе, стоявшей рядом со снежно-булыжной стеной. Подставил девушке колено и сложенные в замок руки. Мимо изредка проезжали лыжники. Кое-кто на нас с удивлением взглядывал. Снег почти прекратился. Леся схватилась руками за мои плечи, наступила на подставленное мною колено – горнолыжный ботинок оказался тверд, и я невольно поморщился. «Прости», – прошептала она. От ее тела, оказавшегося так близко, пахло морозцем и свежестью. Девушка, с негромким причитанием «извини-извини-извини», быстро поставила левую ногу в мои руки, сложенные в замок, оттолкнулась, оперлась другой ногой о плечо – весом она оказалась невелика, словно синичка. Затем схватилась за верхнюю кромку стены, попыталась подтянуться на руках, а я за ноги подтолкнул ее вверх. Р-раз, и вот она уже лежит животом на стене. Упражнение мы выполнили без сучка без задоринки, словно неоднократно тренировались, – или как давно знакомая парочка понимает друг друга без слов.

Леся поднялась на ноги и отряхнула живот и колени от снега. А потом стала бродить, что-то высматривая. Возбужденно крикнула:

– А ведь здесь есть следы!

А потом, спустя минуту:

– Кинь мне сюда спички!

– Где я их тебе возьму? – усмехнулся я.

– Ну, тогда зажигалку.

Я достал из кармана зажигалку и бросил наверх. Она поймала с первого раза. Потом опустилась на колени и стала что-то высматривать в снегу. Затем вынула телефон и начала фотографировать нечто, находящееся у ее ног. Лыжники, неторопливо проезжавшие мимо, поглядывали на нее с изумлением. «Вот неугомонная», – подумал я.

На снежной стене, где сидела Леся, еще пару раз полыхнула вспышка телефонного фотоаппарата. «Ну что, злоумышленник изобличен?» – крикнул я насмешливо.

Леся не ответила.

Она провозилась наверху минут пятнадцать – я уже начал подмерзать. Наконец подошла назад к краю. Крикнула: «Лови меня!» Я приготовился. Она смело обрушилась мне в объятия.

Я не сразу отпустил ее. Напротив, придержал и постарался прижать к себе. Леся засмеялась: «Но-но!» – и высвободилась.

Через пять минут мы уже нацепили свои доски и не спеша заскользили вниз по красной трассе.

...Когда мы подходили к коттеджу, совершенно стемнело. Навстречу нам из бани выскочил красный, распаренный и совершенно голый Саня. С бессмысленным криком: «Ешкина медь, финский облом!» – он обрушился всем телом в сугроб и зарычал. Леся прыснула.

Мы вошли в дом. С кухни доносились соблазнительные запахи русской праздничной трапезы: оливье, селедки под шубой, сырно-чесночного салатика. За столом хлопотала команда, возглавляемая, разумеется, кулинаркой Стеллой. Светка крошила яйца, невыразительная супруга бухгалтера раскатывала тесто. И даже травмированная Горелова оказалась здесь. Сидя на лавке и уложив в кресло забинтованную ногу, она, рыдая, резала лук. «Где ты ходишь, Олеся Засранковна! – обрушилась гиперэмоциональная Светка на мою спутницу. – Давай подключайся! – А ты, – перенесла она свое внимание на меня, – в баню иди, там все мужики. Кроме, – она понизила голос, – инвалида Сухарова».

Наверно, я совсем некомпанейский человек, но банная тусовка меня не прельщала. Самым ярким и приятным впечатлением сегодняшнего дня было, как мы с Лесей – кажется, одни на целом свете, – не торопясь съезжаем на бордах рядом по «туннельной» трассе и перебрасываемся короткими репликами о результатах ее импровизированного расследования. И сейчас я постарался тихонечко ускользнуть в нашу с Саней комнату – с тем, чтобы зафиксировать в своем ноутбуке ее выводы.

Итак, наверху, на каменно-снежном барьере, она обнаружила следы. Злоумышленник, видимо, поджидал какое-то время. Затем внизу остановились Вадим и Женя Горелова. Он, возможно, подслушивал, о чем они говорили. И,

наконец, обрушил на парочку валун.

Лесе удалось сфотографировать отпечаток ноги преступника.

- Размер обуви сорок третий - сорок пятый, - сообщила она мне важно.

- Значит, злодей мужчина, - сделал вывод я.

- Или женщина, - возразила юная следовательша.

- Где ты видела женщину с сорок пятым размером ноги?

- Да, ножка великовата, - хихикнула она и возразила серьезно: - Но почему бы ей не надеть мужской ботинок?

Пока наши действия напоминали мне не настоящее следствие, а род игры в детективов. Я участвовал в этом, честно говоря, только ради того, чтобы, под видом посильной помощи Олесе, быть поближе к ней. А вот зачем ей понадобилось изображать из себя сыщицу? Действовала сила инерции, и даже на отдыхе девушка не могла остановиться? Или она выбрала такой способ самоутверждения? Я вот ведь тоже, даже на отдыхе, все пишу и пишу свой дневник...

Я занес в ноутбук реплику, которую самодеятельная сыщица выдала, когда мы уже снимали сноуборды у подножия горы:

- И все-таки я не понимаю, что произошло. В голове не укладывается.

- Что именно никак не уложится в твоей прекрасной головке? - спросил я, помогая Лесе встать. И товарищеская помощь (подал руку, поддержал), и комплименты обычно действуют даже на самую равнодушную женщину. Дай только срок - и она привыкнет к твоим знакам внимания, как к наркотику, и уже не сможет без них обходиться (даже порой не отдавая себе отчета: с чего ее ломает? А ломать ее будет оттого, что рядом нет тебя и твоей ненавязчивой заботы).

Олеся принимала мою помощь и комплименты как должное.

– На курорте почти сто километров разнообразных трасс, – озабоченно проговорила она, отряхая попу от снега. – Откуда преступник знал, что Горелова и Вадим останутся именно в том месте?

Я важно кивнул:

– Вероятность случайного совпадения, скажу тебе, как человек с высшим техническим образованием, примерно одна к ста тысячам. То есть пренебрежимо мала.

– Значит, можно сделать вывод, – молвила Леся, взваливая на плечо свою снежную доску, – что злоумышленник следил за ними.

– Обычно за своими женами следят ревнивые мужья, – бросил я, словно невзначай.

– Намекаешь на Петра Горелова?

– Нет, просто сообщаю.

– А ревнивые жены следят за мужьями.

– Намекаешь на Настю Сухарову.

– Просто сообщаю, – засмеялась Леся.

Мы с ней хорошо понимали друг друга.

– Но наверху ты увидела мужской след, – возразил я.

– Или след женщины, надевшей мужской ботинок, – не сдавалась сыщицка-любитель.

– Значит, ты подозреваешь Настю?

- Да, Настю. Или, может быть, ты прав, - Петра.

- Скорее, все-таки замешан Петр, - заметил я. - Ты ведь еще не знаешь, на что способны оскорбленные мужья! А если он вдруг увидел, как они там, внизу, целуются? Признаются в любви друг другу?

- И одной пулей он убил обоих... - с улыбкой пропела Леся и с серьезной важностью добавила: - Да, практика показывает, что ревность - достаточно распространенный мотив для бытовых преступлений.

Дальнейшее наше возвращение к дому проходило в молчании, и только когда коттедж уже показался за деревьями, Олеся вдруг сказала:

- А может, преступник просто знал, что они тормознут именно в том месте. И ждал их... А из этого следует - что?..

- Что? - как попугай повторил я. Мои мысли витали совсем не вокруг покушения. Я думал в тот момент о том, как мне все-таки взломать оборону Леси, по-прежнему равнодушной ко мне как к мужчине.

- Из этого следует, - вдохновенно проговорила она, - что злоумышленник был в сговоре с кем-то из тех, кто стал жертвой: с Вадимом или с Гореловой.

Я возразил:

- Ну да, они сговорились. Жертва сказала преступнику: я буду ждать внизу, а ты, пожалуйста, сбрось мне сверху на тыковку камень.

Леся усмехнулась:

- А если они договаривались не об этом? И преступник нарушил условия договора?

- Для того чтобы делать выводы, пока что мало данных...

- Да, мало... - согласилась девушка, а тут мы и подошли к моему коттеджу, и голый, распаренный Сашка выскочил из бани и с нечеловеческими криками

рухнул в снег...

...Мне никогда не спится после галдежа, кутежа и выпивки. И вот я достал ноутбук и решил записать, чем закончилась новогодняя ночь. Может, я законченный графоман, раз спать не могу, пока не напишу чего-нибудь... Даже в новогоднюю ночь... Что ж – пусть. Ведь это никому не мешает.

Итак, если подходить формально, здесь мне следовало поставить новое число: 01 января, однако фактически для меня все еще продолжается старый день, получившийся приятно длинным. Поэтому я лишь сделаю пометку: «НАСТУПИЛ НОВЫЙ ГОД» – и конспективно (потому что спать все ж таки хочется) изложу, что случилось вчера после того, как я, вернувшись с Лесей с горы, внес в свой лэп-топ события первой половины дня...

...Часы показывали шесть вечера. Я вышел в гостиную, соединенную с кухней. Девушки стряпали. По тому, как они немедленно смолкли при моем появлении, я понял, что обсуждали кого-то из отсутствующих. Возможно, меня; возможно, других парней. Но я готов был поставить картофельную шелуху против пирожка с картошкой, что они перемывали косточки Насте – она одна не присоединилась к готовке. К тому же, по моим наблюдениям, вряд ли даже шестеро мужиков, взятых вместе, столь же вдохновляют женщин на сплетни, как одна-единственная дама. Я утащил со стола пирожок с грибами (вопли возмущения были мне наградой) и бросился в сторону бани. Париться тридцать первого декабря еще со времен старой «Иронии судьбы» стало традицией. Один из немногих приятных советских обычаев. А когда не надо ехать в дорогушие Сандуны и баня рядом – сам бог велел смыть с себя всю лажу и муть старого года... Впрочем, я начинаю забалтываться, а глаза уже слипаются, а я еще должен написать о многих событиях, происшедших вчера, 31 декабря...

Итак, я пришел в баню, когда разжаренные Петр Горелов, бухгалтер Иннокентий и странный, подозрительный человек Родион уже объявили мораторий на походы в парилку и теперь в предбаннике, обернутые в простыни, приканчивали вторую пластмассовую бутылку «Очакова». (Знать бы, кто из них оказался до такой степени извращенцем, чтобы тащить из Москвы за две тысячи километров столь отвратительное пойло!) Я разделся и отправился в парную. Друг мой Саня, хоть и покрылся уже апоплексической краской, решил составить мне компанию.

Мы пропарились по системе «двойной утюг»: парная – снег – снова парная (Сашка, человек без комплексов, по-прежнему бросался в белоледяной покров нагишом; я прикрывал причинные места полотенцем и обтирал снежком не все тело, а лишь лицо и плечи.) Наши голые красные тела на улице курились паром. Девчонки с кухни, я видел, поглядывали на нас, и потому решительно не хотел предстать перед их очами в чем мать родила. К тому же на холоде все предметы обычно сжимаются – ну, вы меня понимаете... Когда мы вытерлись и снова зашли в парилку, всю кожу стало словно гладить изнутри пупырчатым, пузырьчатым утюжком. Божественное ощущение...

Когда мы с Саней в изнеможении вышли в предбанник, оказалось, что Петя с Иннокентием и Родионом уже ушли. Мой друг подмигнул мне и вытащил из холодильника банку пива «Кофф». Мы закайфовали. Первое время даже говорить не хотелось. А потом я все-таки задал приятелю вопрос, который вертелся у меня на языке все время после покушения:

– А что, между Вадимом Сухаровым и Женей Гореловой есть какие-то отношения?

Саня прикончил банку, смял ее в кулаке и важно отвечивал:

– Сам я, как ты понимаешь, свечу над ними не держал – но очень может быть... А у Петьки Горелова, в свою очередь, что-то есть с Настей Сухаровой... Дружеское перекрестное опыление. Начальственный группен-секс.

– Да? – переспросил я. – А почему ты так решил?

– А ты сам посуди, – изрек мой дружбан важно, вскрывая новую банку пива. – Сухаров с Гореловым дружат еще с института. Фирму свою организовали семь лет назад. Все эти годы работают бок о бок. Вадим – таран и организатор, а Петька – мозг, креатив. До сих пор не разругались, не разделились. Можно сказать, неразлейвода. На работе целый день вместе. Казалось бы, за год надоедают друг другу – ан нет. Они и отдыхают друг с дружкой. Путешествуют. И что самое прикольное, почти всегда вместе с женами. Вчетвером. И в Таиланд двумя сладкими парочками ездили, и в Амстердам, и на Кубу... Мы-то – и я, и Большов, и его супруга – только сейчас удостоились влиться к ним в компанию. А до того они дружным квартетом тусовались. И Новые года встречали, и на пароходе по Волге плавали, и в Норвегию на одной машине ездили... Ну, скажи

мне: если б Вадиму не нравилась Женька, а Петьке, в свой черед, – Настя, продержались бы они столько лет вместе?

Саня меня не убедил.

– Бог его знает, – пожал я плечами. – Может, дружат просто люди. Безо всякого там, как ты говоришь, перекрестного опыления. Что, не бывает?

Мой френд глумливо усмехнулся:

– Да какая может быть между мужчиной и женщиной дружба без доброго секса?

– И все-таки это косвенные улики, – продолжал упорствовать я. – Может, ты видал чего-нибудь конкретное? Ну, например, как Петр с Настей целуются в углу на корпоративке? Или как Женя утром на работу Вадима подвозит?

– Ты как бабка! – воскликнул Саня. – «А из зала кричат, давай подробности!..» Я тебе об общей атмосфере талдычу, а тебе конкретику подавай! А ведь дух, общее настроение важнее деталей, это тебе любой художник скажет, техническая ты душонка!..

– Много ты о художниках знаешь, финансист несчастный!

– Побольше твоего, я с художниками, дизайнерами, креативщиками три года работаю!.. Ладно, чем сексуально-коммерческие тайны о нашей фирме выведывать, пошли, я тебя за твое занудство веником по заднице отхлестаю!.. Только не надо мою дружескую помощь воспринимать как свидетельство чего-нибудь там...

– Не дай бог! – содрогнулся я.

Однако насладиться баннным садомазо мы не успели. Прямо в парную заявила Светка – я еле успел полотенцем прикрыться – и разворчалась: «Давайте, освобождайте помещение, девчонки тоже хотят попариться!» Голый Сашка принялся хватать ее за руки, стаскивать свитер: «Да зачем нам девчонки, нам тебя одной хватит, раздевайся!» – Девушка ржала и била его кулачками в грудь... В итоге, конечно, из бани нас выгнали, женщины (за исключением

подраненной Жени) пошли париться. Сашка задержался на кухне выпить, как он сказал, «послебанный дижестивчик» – а я отправился в нашу комнату. И увидел там – здравствуйте, приехали! – лысого бухгалтера Иннокентия.

– Что вы здесь делаете?! – воскликнул я, от неожиданности переходя на «вы».

Он забормотал, явно растерянный:

– Да у меня сигареты кончились... – Глаза у него бегали. – Я знаю, вы курите... Зашел стрельнуть... Сигареты кончились... Простите...

Тут я глянул на мой ноутбук, лежащий на прикроватной тумбочке. Мне показалось, что он сдвинут с места. Я дотронулся до его крышки: точно, горячая! Значит, эта лысая сволочь рылась в моих файлах!! Я кинулся к Иннокентию:

– Это что еще за новости?! Что вам нужно в моем компьютере?!

Бухгалтер немедленно как-то съежился и, бормоча извинения, вылетел за дверь.

ЧТО ОН ИСКАЛ ЗДЕСЬ? А ведь я, прекрасодушный дурак, не поставил на свой лэп-топ даже пароль! И никаких новомодных примочек типа включения по отпечатку пальца в нем тоже нет! Значит, Иннокентий Большов запросто мог прочитать мои записи – например, дневник!

Я просмотрел, какие за последнее время открывались файлы. И верно! Данные статистики показали, что пятнадцать минут назад, пока я еще был в бане, кто-то открывал текст моего дневника. Ну, Кеша-бухгалтер!.. Ну, сволочь!

Вопрос: для чего ему понадобился мой журнал? Довольно глупо, но мне почему-то сразу представилось, что товарищ хочет узнать, как далеко зашли мои отношения с Лесей. Но зачем? Я тут же отбросил эту мысль как бредовую.

А может, его интересовали результаты нашего с Лесей осмотра места происшествия? Однако о своем походе мы никому не докладывали. Как Иннокентий узнал о нашем частном следствии? И почему оно ему интересно? Значит, он замешан в происшедшем?

Чтобы ни ему, ни кому бы то еще неповадно было, я немедленно запаролил – сложным двенадцатизначным кодом – вход в свой ноутбук.

Что за мерзавец! Я долго кипел, а потом стал раздумывать: не устроить ли мне (с помощью моего друга Саньки в качестве силовой поддержки) допрос бухгалтера с пристрастием? Два вопроса ему точно можно задать: что ему понадобилось в моем компьютере? А главное, какова его роль в сегодняшнем происшествии – обрушении валуна на Вадима и Женю?

Только моя послебанная и предновогодняя расслабленность спасли Иннокентия от жестокой расправы. Я решил не портить себе настроение в преддверии боя курантов и отложить терку-разборку на будущий год.

...Около десяти вечера по местному времени все, принаряженные, собрались за столом в нашем коттедже. Женю Горелову принесли на руках из соседнего домика Петя и Родион. Приковылял из своей комнаты Вадим. Он по-хозяйски занял место во главе стола. Рядом притулилась его Настя – а одесную от него вдруг оказалась Стелла, которая немедленно стала оказывать Сухарову знаки внимания: подкладывала салатки, подливала напитки. Поведение девушки не слишком, видимо, нравилось Вадимовой супруге, однако та, как истинная леди, умело скрывала свои чувства. Зато Родиону, импозантному Стеллиному мужу, поведение благоверной было абсолютно по фигуре. Он даже не смотрел в ее сторону и за все время торжественного ужина не сказал ей ни слова.

Однако я заметил, что Стелла совсем небезразлична лысому бухгалтеру Кеше. Он украдкой метал в ее сторону взоры, в коих можно было разглядеть и страсть, и мольбу. Сии взоры видела, разумеется, и супружница Иннокентия – Валентина. Она сидела вся вытянутая, презлющая, постоянно дергала супруга, противным голосом отдавая команды: «Положи мне то, налей мне это». Но в какой-то момент, похоже, решила переменить тактику и стала вдруг оказывать знаки внимания... мне! С милой улыбкой (похожей на гримасу зубной боли) она затеяла со мной непринужденный тейбл-ток: давно ли я вожу машину, как долго знаком с Александром и нравится ли мне страна Суоми. Игривости в Валентине было не более, чем в мороженой путассу, и я отвечал ей односложно, предпочитая, разумеется, общество сидящей рядом со мной Леси. Зато Иннокентий, помимо знаков внимания Стелле, исподволь бросал на меня взгляды, преисполненные самой настоящей ненависти, – и мне оставалось только гадать, чем я ее

заслужил: только ли тем, что поддерживаю разговор с его вдруг воспылавшей ко мне женой?

Словом, злых, завистливых и ревнивых косяков за столом хватало, и я вдруг подумал, что если бы наша вечеринка происходила в романе Агаты Кристи, то сегодня здесь произошло бы убийство. Кто-нибудь кому-нибудь влил бы в стакан добрую порцию цианида – и уж вряд ли убийцей оказался дворецкий, потому как не имелось в нашем коллективе никаких дворецких и прочей прислуги...

Вадим Сухаров, несмотря на то что сидел во главе стола, в отличие от предыдущих наших парти больше помалкивал. Казалось, он взял отпуск по болезни. Стол вел его заместитель Петя. Он был оживлен, шутил, провозглашал тосты. Притом я заметил, что сам он не пьет ни капли спиртного, даже шампанского. Но Горелов и без выпивки был в ударе. Создавалось впечатление, будто он вырвался из-под гнета своего старшего друга и спешил радостно блеснуть, пока его опять не задвинули на второе место. Заговорили, к примеру, о продолжении «Иронии судьбы» – и Петя принялся импровизировать на тему сиквела «Семнадцать мгновений весны». Он говорил, что фильм, разумеется, должен называться «Восемнадцатое мгновение» и начинаться после того, как Штирлиц, двадцать минут проспав в машине, просыпается и едет в Берлин. А там, в Берлине, уже каким-то фантастическим образом прошло шестьдесят лет, и легендарный разведчик, в компании с нашими молодыми агентами, срывает секретные переговоры НАТО с Белоруссией... Горелов вдохновенно импровизировал, нагромождая в своей буффонаде одну забавную чушь на другую. Получалась пародия на шпионский боевик – все смеялись, а Женя, Настя и даже сам Вадим посматривали на него ласково и любовно.

В какой-то момент Петя умолк, чтобы поддержать свои силы соком и салатом оливье, и в разговор вдруг вклинилась самая молодая в компании – Леся. Неожиданно она начала рассказывать, что мы с ней побывали сегодня на месте сегодняшнего преступления (она так и выразилась: «преступления»). Все разговоры стихли. Ее слушали с напряженным вниманием.

Леся на голубом глазу рассказала об обнаруженном нами отпечатке ноги в ботинке сорок третьего – сорок пятого размера. Я внимательно следил за реакцией собравшихся на ее слова. Особое внимание обратил на слишком уж веселого сегодня Горелова. Но ни он, ни кто другой не дрогнули, не переменились в лице. Все слушали молодую сыщицу с выражением искренней заинтересованности – но не больше. И тут вдруг подал голос странный человек

Родион, промолчавший до того весь вечер.

– Смотрите, Леся, – со смехом сказал он, – в детективных романах после подобных заявлений, сделанных во всеуслышание, обычно убивают.

– Убивать меня нет смысла, – светски улыбнулась в его сторону девушка. – Я уже сняла следы на свой телефон. А Иван, – кивнула она в мою сторону, – перенес снимки в компьютер. (Это было чистой неправдой, и я готов был поклясться, что в этот момент на нас с Лесей изумленно глянул бухгалтер Иннокентий.) Больше того, – продолжила она, – Иван разместил их в Интернете в своем «живом журнале». Ну, а за ту тайну, которая стала известна всему свету, не убивают.

Тут наступило одиннадцать – Новый год по московскому времени. Откупорили шампанское. Ни российского телевидения, ни радио в коттедже не было, и ориентировались все на наручные часы – конечно же, Вадима. Пока чокались и поздравляли друг друга, Горелов и его раненая супруга изображали – «бом! бом!» – бой кремлевских курантов. Было в высшей степени прикольно и освежающе праздновать Новый год столь нетрадиционно.

А к часу ночи по московскому времени мы отправились в горнолыжный поселок, что находился от нас в трех километрах, – встречать Новый год по-местному. Поехали на двух машинах. В свой «Лендровер» за руль сел не пивший ни капли Петя Горелов. Я оседлал любимую «Хонду» – ведь, кроме новогоднего шампанского, не выпил в ту ночь ничего, а подобную дозу алкоголя в крови (до 0,5 промиле) финские законы позволяют.

В каждую из машин набилось по пять человек. Рядом со мной, к моему удовольствию, уселась Леся, сзади разместились Саня со Светкой и почему-то Вадимова жена Настя. Остальные заняли «Лендровер». Нетранспортабельные Сухаров и Женя Горелова остались в домике.

Горнолыжный городок бушевал. Казалось, все жители и туристы высыпали на променады, откуда начинался склон. Во все стороны летели петарды. Мы с трудом нашли место для парковки и вывалились из лимузинов. Толпы ходили, размахивая бутылками шампанского. То там, то здесь группки разливали шипучку в пластиковые стаканчики. Отовсюду слышалась русская речь. Местные пожарные величественно и с соблюдением всех мер безопасности запускали фейерверк. Со склона катались на ледянках. Подъемники, разумеется, не

работали, и люди тащились в гору с санками, как муравьи. Кое-кто добирался даже до третьей, четвертой мачты освещения. Потом катальщики летели вниз, как торпеды, вздымая облака снежной пыли.

Наша компания разбрелась в разные стороны, договорившись встретиться через полчаса у машин. Я как-то сразу потерял всех, включая, увы, и Лесю. А потом... Потом вдруг углядел в толпе интересную парочку. Она не спеша шла по улице, поглядывая на творящееся вокруг со снисходительным любопытством. Одним был наш импозантный Родион. Второй – типичный иностранец (причем не тот, с кем я заметил Родиона в баре гостиницы в Оулу, и не Панайот, с которым тот беседовал вчера у «летающей тарелки»). Иностранец был одет в такую же неформальную спортивную одежду, что и все вокруг, однако в нем чувствовалась выправка и лоск богатого человека – как минимум, менеджера высшего звена. Двое негромко переговаривались. Лица у обоих были пресерьезные. Они явно обсуждали что-то важное. Воистину, зачем приехал в Финляндию Родион? По каким таким делам? Я готов был заподозрить все, что угодно.

Вспомнив Лесю и то, как она проследила за Вадимом, я последовал за Родионом и его спутником. Однако кругом взрывались петарды, шумела и толкалась толпа, и ровным счетом ни слова из их разговора я расслышать не смог. К тому же мне показалось, что они опять-таки говорят по-фински.

Вдруг петарда бабахнула особенно громко. Что-то черное пронеслось буквально у моего виска. Мне подумалось – второй раз за сегодняшнюю ночь, – что нынешний антураж до чрезвычайности способствует убийству. Раздается негромкий хлопок, тише петарды, и человек вдруг оседает на снег... Кто знает, может, поскользнулся, а может, просто выпил лишку... А когда обнаружат, что он мертв, убийца десять раз успеет скрыться в толпе. Я потряс головой, отгоняя наваждение. Странно, почему мне сегодня с такой настойчивостью приходят мысли об убийстве?

Загадочного Родиона с его спутником я из вида потерял. Толпа пошумела еще немного, а уже в половине первого по финскому времени стала сматывать удочки. Взревели моторы, одна за другой машины стали вырывать со стоянки – и через десять минут улицы городка и подножие горы опустели, остались лишь компании русских – шумные и совсем нетрезвые.

Мы тоже погрузились в автомобили и отправились по домам.

Наши инвалиды, Вадим Сухаров с Женей Гореловой, пребывали в прекрасном настроении. Оба раскрасневшиеся, довольные. Я готов был поклясться, что в этот час между ними что-то происходило: может, просто поцелуйчики, а может, и нечто более серьезное. То, как они сейчас выглядели, убедило меня в том, что между ними что-то есть, гораздо больше, чем неопределенные рассказы Сани. Я увидел, как при виде довольных супругов закаменели лица Петра и Насти.

Мне даже пришла в голову дурацкая мысль: может, они двое, Вадим и Женя, специально устроили покушение на самих себя – с тем, чтобы иметь больше законных возможностей проводить время наедине, причем не на снежных трассах, а в доме, в тепле и комфорте? Правда, потом я счел, что это чистая паранойя. Если они действительно любовники, уж как-нибудь смогли бы найти возможность встречаться, не сбрасывая себе на головы камни и не ломая самим себе ноги.

...Потом все выпили еще по паре рюмок и отправились спать. А я вот, как дурак, засиделся в гостиной с ноутбуком, все описывая события сегодняшнего дня. Сейчас я размещу этот пост в своем «живом журнале» и пойду спать. Завтра хочется быть свеженьким – и потому, что мы с Лесей снова побежим на лыжах, и потому, что, мне кажется, нас еще ждут некие таинственные события...

С Новым годом вас, друзья!

1 января 200... года

Сегодня, в первый день нового года, в нашем коллективе, затерянном в лесах Лапландии, продолжались драматические и загадочные происшествия. Впрочем, обо всем по порядку.

Когда я проснулся, за окнами совершенно рассвело – а это означало, что уже довольно поздно. В нашем домике было тихо-тихо. Сашкина кровать оказалась пустой и даже застеленной. Я как ужаленный вскочил и схватил часы. Было уже без четверти одиннадцать – и это означало, что я все на свете проспал! Все ушли на трассы, и я остался в нашем лагере один! Мне смутно припомнилось: сквозь сон, еще совершенно затемно, я слышал в коттедже смех и хождение, до

меня долетали запахи кофе и яичницы, и Саня даже толкал меня в плечо: вставай, мол! В ответ я его, помнится, послал... Проклятая графомания! Я засиделся вчера за дневником – и вот вам результат: продрых добрую треть столь короткого здесь, в Заполярье, светового дня! Отбилса от коллектива – а главное, упустил Лесю, которая, конечно же, отправилась на лыжню без меня.

Я выполз из нашей комнаты, как был, в одних трусах. По тишине, царившей в домике, я понял, что стесняться мне некого. Потом вспомнил: вряд ли куда смог уйти из своей спальни Вадим со своей сломанной ногой – но заходить к нему проведывать я не собирался. А если уж он вдруг выползет из своей обители, как-нибудь переживет меня в неглиже.

На кухоньке работала посудомоечная машина – дополнительное свидетельство того, что народ отзавтракал и ушел на гору. Я засыпал в кофеварку кофе и вложил хлеб в тостер. И тут вдруг услышал, что из комнаты, где проживали Вадим и Настя Сухаровы, доносятся мужские голоса. Я узнал их. Первым собеседником был Вадим, а вторым – лысый бухгалтер Иннокентий. Комната Сухаровых находилась неподалеку от кухни, двери в спальнях были тонкими, поэтому я слышал их беседу, совершенно не напрягаясь, от первого до последнего слова. Сначала во мне разыгрались вдолбленные семьей и школой моральные запреты («подслушивать нехорошо!»), и я подумал было уйти, однако потом вспомнил странное (мягко говоря) поведение бухгалтера, который лазил в мою комнату и в мой ноутбук... Вспомнил и то, что на Вадима, как-никак, было совершено покушение... И тогда решил остаться. Уверен, Леся на моем месте поступила бы так же. Я даже выключил тостер, дабы щелчок поджарившегося хлеба не вспугнул собеседников.

Я не записал их диалога сразу же, по горячим следам, но у меня хорошая память, а разговор был весьма драматичный, поэтому врезался в память едва ли не дословно. Итак, Вадим спросил (с сарказмом и тщательно сдерживаемым гневом):

– Ну, что, Кен (бухгалтера на фирме порой звали на иностранный манер Кеном), значит, ты захотел решить проблему кардинально, а?

Большов пробормотал в ответ достаточно растерянно, что, мол, не понимает, что Сухаров имеет в виду.

– Ну, как же! – воскликнул Вадим. – Валун летит вниз, от меня остается мокрое место. Несчастный случай! Нет человека – нет проблемы, а?

– Клянусь тебе! – пролепетал Иннокентий, и голос его звучал, насколько я мог судить, достаточно искренне. – Клянусь тебе, Вадик, всеми святыми! Я здесь совершенно ни при чем!

– Да? – пророкотал в ответ директор. – Ты уверен? А что, хороший ход. Ведь до момента покушения о твоём подвиге знал один только я. Но теперь, учти, я рассказал обо всем и Петьке, и Насте. Поэтому больше шуточек с валунами повторять не советую. По меньшей мере бессмысленно.

На этот раз ответ Иннокентия прозвучал твердо и с достоинством:

– Никаких покушений я на тебя не устраивал и не собирался.

– Ты уверен?!

– Чем хочешь поклянусь!

– Ладно, будем считать, что я тебе поверил... Давай лучше расскажи, что дальше будешь делать. Как свой косяк исправлять думаешь?

Бухгалтер проговорил с вызовом:

– Это не мой косяк!

– А чей, позволь узнать?

– А кто тебе о нем рассказал?

– На Саню намекаешь?

– Именно! Да не намекаю, а прямо говорю!

– Саня – твой подчиненный! Понимаешь, твой! И ты отвечаешь за него. И за все финансы. Понимаешь – ты! Поэтому мой вопрос – прежний: что ты думаешь дальше делать?

После паузы бухгалтер пробормотал – голос его звучал убито:

– Они отдадут... банк в принципе надежный... у них просто временные трудности...

– Не ври!

(Вадим употребил иное, гораздо более резкое и неприличное слово, которое я заменяю эвфемизмом, потому как надеюсь, что мой дневник будут читать посторонние люди, и не хочу оскорблять их слух матерщиной.)

– Не ври! – строго повторил директор Сухаров. – Банку «Юбилейный» – конец. (Он опять-таки выразился куда крепче.) Никто с него своих бабок уже никогда не получит. Ни через суд, ни через рэкетиров. А ты, Кен, вложил туда почти поллимона евро. Скажи, Кен, – голос Вадима прозвучал едва ли не задушевно, – зачем ты это сделал?

– Повторяю, это не я... – пролепетал Большов.

– Чья подпись под платежкой? Чья? Твоя или Сани? – напористо спросил Сухаров.

Бухгалтер ничего не ответил, только растерянно вздохнул.

– Поэтому и отвечать – тебе! – воскликнул Вадим. – За все отвечать – тебе. Понял, нет?

– Меня ввели в заблуждение...

– Какое, на хрен, заблуждение!

– Они процент больше всех предлагали... – пробормотал в ответ бухгалтер. Чувствовалось, что он совершенно раздавлен. – Тринадцать годовых...

- А сколько они тебе заплатили? Тебе лично, Кен?
- Нисколько, - пролепетал Иннокентий. - Я в такие игры не играю...
- Да?! - возвысил голос Сухаров. - А вот у меня имеются другие сведения!
- Саня все врет! - по-детски воскликнул Большов.
- Ты откат от них получил, Кен! Думаешь, я не знаю?!
- Вадим Георгиевич, клянусь вам... - проныл бухгалтер жалобно, даже переходя на «вы».
- Брось! Хватит врать! - гаркнул Вадим и продолжил уже почти спокойным тоном: - Ты, Кен, хотел меня обмануть (опять я применяю эвфемизм, в оригинале он выразился гораздо более жестко и по-русски). Обмануть хотел меня и мою фирму. У тебя хрен вышло. Но на пятьсот штук евро ты родную компанию наказал. Поэтому слушай мой вердикт - с Петей я его уже согласовал, поэтому бегать к нему на меня жаловаться тебе бессмысленно. Либо ты, как хочешь, какими угодно путями, вынимаешь из этого сволочного банка наши пол-лимона евриков и возвращаешь их на фирму. Это возможность номер раз. Другая: ты возвращаешь - мне лично, налом! - тот откат, что тебе заплатили, - сколько там было, сто тысяч, семьдесят пять?.. Либо есть у тебя еще выход номер три: мы тебя увольняем, причем с волчьим билетом. Никуда в хорошее место ты больше не устроишься. Во всяком случае, по специальности. Снег будешь чистить, гуано месить, на паперти стоять! А Валентина твоя печень тебе выключет.
- Но, Вадим Георгиевич... - прохныкал Иннокентий.
- Все, разговор окончен, - решительно проговорил Сухаров.
- Но, Вадим Георгиевич, почему все на меня!..
- Пошел вон!
- Это несправедливо!

– А кто у нас главный-то бухгалтер? Ты или не ты?

– Я, но я не делал этого, клянусь! Меня подставили!

– Ладно, утомил меня, родной! Вали отсюда.

– Вадим Георгиевич...

– Греби отсюда!!! Я все сказал!

Встреча с бухгалтером в подобных обстоятельствах в мои планы никак не входила, и потому я спешно юркнул в нашу с Саней комнатку и закрыл за собой дверь.

Через минуту мимо пронесся Иннокентий. Из окна я видел, как он выскочил на крыльцо. Большов был в полном горнолыжном обмундировании. Видимо, директор остановил его для разговора как раз в тот момент, когда подчиненный, после праздничной ночи и неспешного завтрака, расслабленный и довольный, совсем уж было собрался продолжать свой новогодний кайф дальше, на спортивных трассах.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Личные данные (англ.).

2

Product placement (англ.) – размещение скрытой рекламы в художественных произведениях: книгах, фильмах и т. п.

3

Круглые сутки (англ.).

4

Ungoogable – один из новейших английских неологизмов. Означает человека, о котором нельзя найти информацию в Интернете.

5

Время встречи (англ.).

6

Гип – главный инженер проекта.

7

Вызовы судьбы (англ.).

8

Соседка по квартире (англ.).

9

Wi-Fi – беспроводное подключение к Интернету.

10

Тестить (современный слэнг) – с ударением на первом слоге, то же, что «тестировать», «испытывать», «проверять», «исследовать», «узнавать новое».

11

«Балаклава» – род шарфа, сшитого в виде трубы из непродуваемой ткани; прикрывает от ветра, в случае необходимости, не только горло, но и подбородок, нос, щеки.

12

Билет в оба конца: означает, что девушка собирается спуститься вниз на той же гондоле, а не на лыжах или сноуборде.

13

«Ни одного промышленного предприятия в радиусе 100 километров!»

----

Купить: [https://tellnovel.com/ru/litvinovy\\_anna-i-sergey/revnost-volhvov](https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna-i-sergey/revnost-volhvov)

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)